

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Ниро Вулф возвышается
над своими противниками
подобно башне...

Это необыкновенная
личность, созданная
воображением писателя.

New Yorker

• ВСЕ РАССЛЕДОВАНИЯ НИРО ВУЛФА •

РЕКС СТАУТ

Слишком
много
женщин

Ниро Вульф

Рекс Стаут

СЛИШКОМ МНОГО ЖЕНЩИН

«Азбука-Аттикус»

1947

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Стаут Р. Т.

Слишком много женщин / Р. Т. Стаут — «Азбука-Аттикус»,
1947 — (Ниро Вульф)

ISBN 978-5-389-18922-5

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-18922-5

© Стаут Р. Т., 1947
© Азбука-Аттикус, 1947

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	19
Глава 8	23
Глава 9	26
Глава 10	30
Глава 11	35
Глава 12	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Рекс Стаут

СЛИШКОМ МНОГО ЖЕНЩИН

Rex Stout

TOO MANY WOMEN

Copyright © 1947 by Rex Stout

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency

All rights reserved

КЛАССИКА
И
ДЕТЕКТИВА

Серия «Иностранная литература. Классика детектива»

Перевод с английского Анатолия Ковжуна

Оформление обложки Ильи Кучмы

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© А. Б. Ковжун, перевод, 2014

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство Иностранка®

* * *

Глава 1

Все та же привычная канитель. Порой я нахожу ее занятой, порой она меня только утомляет, а то и приносит жуткую боль, особенно когда мое общение с Вулфом чересчур затягивается, грозя нам обоим сплошными неприятностями.

На сей раз все начиналось даже забавно, хотя в дальнейшем веселье сошло на нет. Некто Джаспер Пайн, президент компании «Нейлор-Керр» с офисом на Уильям-стрит, 914, где здание в тридцать этажей выглядит низенькой хибаркой, вознамерился вызвать Ниро Вулфа к себе, чтобы обсудить какое-то важное дело. Я вежливо и терпеливо разъяснил ему, что Вулф слишком ленив, тучен, а главное – гениален, чтобы мчаться куда-то по первому зову. Днем же, перезвонив вновь, мистер Пайн настоял на личной беседе с Вулфом. Разговор этот, разумеется, вышел прискорбно коротким и радости звонившему не принес. Спустя час, когда Вулф удалился наверх, в оранжерею, я решил хоть чем-то себя занять, набрал номер компании «Нейлор-Керр», дождался, пока трубку не взял сам мистер Пайн, и поинтересовался, отчего он сам не хочет посетить нас. Пайн рявкнул в ответ, что слишком занят, и пожелал узнать, кто я вообще такой.

Пришлось объяснить, что меня зовут Арчи Гудвин, в ком воплотились сердце, печенька, легкие и прочие потроха частного детективного агентства Ниро Вулфа, тогда как сам Вулф представляет собой исключительно мозги. Пайн не без сарказма осведомился, как у меня самого с гениальностью, на что я ответил: чего нет, того нет; по сравнению с Вулфом я обычный смертный.

– Могу к вам заскочить, – предложил я затем.

– Нет уж! – без лишней грубости отрезал Пайн. – На сегодня мой график уже расписан. Приходите завтра в десять утра. Вернее, в пятнадцать минут одиннадцатого.

Глава 2

В каменных пирамидах Уолл-стрит, взметнувшихся на девятьсот футов или того выше, обосновались охотники за выгодой всевозможных мастей – от карликов, занявших одну только комнату, до супергигантов, которым и десяти этажей мало. Название «Нейлор-Керр» казалось мне смутно знакомым, но я не представлял себе истинных размеров компании и удивленно повел бровью, вычитав из висящей в холле таблички, что фирма арендует целых три этажа. Офисы руководства располагались на тридцать шестом; туда-то я и направился. Толстые ковры, обшитые деревянными панелями стены и обилие пустого пространства не скрыли от меня, что секретарша, пусть и не слишком безобразная с виду, давно миновала тот роковой возраст, после которого начинаешь пожинать посеянное в молодости.

В десять четырнадцать мы с ней поздоровались, а пятью минутами позже меня уже вели по коридору на встречу с президентом компании. Пайн, ясное дело, занимал офис в углу здания, сплошь в огромных окнах, но вынужден признать, что вопреки всем коврам, панелям и мебели, какую обычно видишь в витринах дорогих магазинов, работа здесь действительно кипела. Такое у меня создалось впечатление.

Возрастом Джаспер Пайн не уступал своей секретарше – где-то под пятьдесят, пожалуй, – вот только годы были ему к лицу. Пиджак сидел на сутулой спине как влитой, явно пошит на заказ. Но если не брать во внимание костюм, Пайн куда больше походил на бригадира или начальника цеха, чем на главу корпорации. Словно доказывая, что он тоже обычный человек, Пайн встретил меня в центре кабинета, пожал руку и, вместо того чтобы отгородиться рабочим столом, направился к паре удобных кресел, выставленных в проеме между окнами.

– По утрам у меня довольнолюдно, – признался он таким глубоким голосом, что казалось, появившись надобность, президент наберет чуть больше воздуха в грудь – и его услышат в Центральном парке.

Глядя на Пайна, я не мог взять в толк, о чем пойдет речь: о пропаже карандашей со склада (чем мы побрезговали бы заняться) или о слежке за супругой (что выходило за пределы интересов Ниро Вулфа). Уточнить по телефону он отказался.

– Итак, – пробасил Пайн, – опишу дело вкратце. Недавно я просматривал кое-какие отчеты и заметил, что текучка кадров в главном офисе за тысяча девятьсот сорок шестой год превысила двадцать восемь процентов, и это не считая обслуживающего персонала. Многовато. Я решил выяснить, в чем проблема. Для начала набросал бланк вопросника, который мы затем размножили. Две тысячи копий были направлены главам отделов, с тем чтобы они заполнили по бланку на каждого работника, покинувшего компанию в течение сорок шестого года. Затем все рапорты вернулись ко мне. А вот этот прислал начальник нашего отдела фондов. – Пайн поднял на ладони бумажный листок. – Взгляните-ка. И читайте до конца.

На писчей бумаге стандартного формата была аккуратно отпечатана таблица. Вверху тянулась надпись:

ВЕРНУТЬ В ОФИС ПРЕЗИДЕНТА НЕ ПОЗДНЕЕ 10 МАРТА.

Графы заполнили на пишущей машинке. Сперва шло имя бывшего сотрудника – Уолдо Уилмот Мур (в данном случае). Возраст: 30 лет. Семейное положение: Холост. Домашний адрес: Отель «Черчилль». Зачислен в штат: 8 апреля 1946 г. Обстоятельства найма: Личное обращение. Должность: Контролер корреспонденции. Жалованье: 100 долларов в неделю. Повышение: До 150 долларов в неделю с 30 сентября 1946 г. Дата увольнения: 5 декабря 1946 г.

В других графах содержались сведения о том, как Уолдо Уилмот Мур справлялся с работой, ладил с сослуживцами и непосредственным начальством и прочее в том же роде, а в самом низу, конечно же, задавался главнейший вопрос – причина увольнения (подробно). Далее сле-

довало дюйма три пустого места – более чем достаточно для детального ответа. Однако в данном бланке хватило одного-единственного слова. А именно: «Убит».

Глава 3

Стало быть, все-таки не кража карандашей. Я поднял взгляд на Джаспера Пайна.

– Блестящая мысль! – с восторгом в голосе похвалил я. – Эти рапорты покажут, где слабина и какие меры стоит принять. Хотя, наверное, случай с Муром можно считать исключением. Едва ли многие из ваших двадцати восьми процентов оказались убиты. Кстати говоря, по роду занятий мне приходится следить за убийствами, но такого я не припомню. Это случилось где-то поблизости?

Пайн замотал головой:

– Мур угодил под колеса. В самом центре Нью-Йорка. Водителю удалось скрыться. Кажется, подобные происшествия квалифицируют как несчастный случай, а не убийство. Убийство подразумевает преступный умысел. Сам-то я не юрист, но навел справки, когда в рапорте... когда увидел ту строчку. – Тут он досадливо махнул рукой. – Водителя искали, но не нашли. Мне нужно, чтобы Ниро Вулф выяснил, есть ли основания считать случившееся убийством.

– Из чистого любопытства?

– Нет. Я не считал возможным отправлять подобную бумагу в архив. Голословное утверждение, будто одного из наших сотрудников убили. Если, конечно, оно голословное. Поэтому я обратился за разъяснениями к главе отдела фондов, который составил рапорт. Мне хотелось знать, что конкретно подвигло его на подобное заявление. Он же отказался назвать причину. Согласился с моим определением убийства и несчастного случая, но наотрез отказался внести поправку или составить новый рапорт, где стояла бы другая мотивировка. Настаивал на верности документа в том виде, в каком он есть. Не пожелал ни прояснить свою позицию, ни обсудить детали.

– Господи ты боже! – воскликнул я. – Не иначе, этот тип установил новый рекорд. Какой-то начальник отдела перечит президенту корпорации! Четыре отказа подряд! Да кто он такой? Мистер Нейлор? Или, может, мистер Керр?

– Его зовут Керр Нейлор.

На мгновение мне почудилось, что Пайн просто шутит, разряжая атмосферу, но выражение его лица быстро доказало обратное. Президент «Нейлор-Керр» не спеша прикурил сигарету, явно совершая сей маневр с единственной целью – скрыть смущение. Определенно Пайн пребывал в замешательстве.

От души затянувшись, он громогласно кашлянул и пустился в разъяснения:

– Керр Нейлор приходится сыном одному из учредителей компании. Керром его назвали в честь второго учредителя. У него за плечами... хм... нестандартная карьера. К тому же он брат моей жены. Вообще говоря, он и сейчас контролирует немалую часть акций корпорации, хотя уже не владеет ими – пустил по рукам. Он не желает участвовать в управлении компанией и отказывается войти в совет директоров.

– Ясно. Закоренелый упрямец.

Опять этот раздраженный, нетерпеливый жест. Короткое движение кисти – резкое, но не надменное.

– Как вы уже поняли, – продолжил Пайн, – ситуация сложилась непростая. Когда мистер Нейлор отказался объяснить ту строчку в рапорте или изменить ее, дело можно было спустить на тормозах и попросту уничтожить бумажку. Однако я уже успел упомянуть о ней двум своим заместителям и члену совета, причем все как один посчитали, что вопрос стоит изучить. Опять-таки новость о рапорте с такой формулировкой разнеслась по отделу – надо полагать, не без помощи печатавшей рапорт машинистки, – и поползли нездоровые слухи. Этот самый Мур вызывал пересуды, так скажем, повсюду, где бы ни появлялся, и на тебе: почти четыре

месяца в могиле, а он опять за старое! Для нас подобные истории крайне нежелательны, их следует прекратить.

– Угу. Сначала вы вроде собирались нанять мистера Вулфа для выяснения того, что кроется за словом «убийство», употребленным в рапорте. А теперь жаждете положить конец сплетням. Лучше уж определитесь.

– Одно приведет к другому, разве нет?

– Вовсе не обязательно. Если мы обнаружим, что Мур действительно убит, и этот вывод станет всеобщим достоянием, слухи наверняка прорвут плотину, не говоря уже о других вероятных последствиях.

Пайн бросил взгляд на наручные часы, раздавил в пепельнице окурок и поднялся на ноги.

– Черт подери, – выдохнул он, уже намного тише, – неужели нужно объяснять, какие сложности возникли из-за подписи Керра Нейлора под треклятым рапортом?! Это досадное недоразумение отрывает меня от насущных дел! Отец Керра, старик Джордж Нейлор, по-прежнему жив-здоров и все еще председательствует в совете директоров, хотя давным-давно передал все свои акции детям. Эта компания старейшая и крупнейшая в своей области, крупнейшая в мире, и мы горды нашими традициями и репутацией. А вместе с тем накопились и... мм... свои нюансы. Директора и управляющие, которые сейчас тянут ляжку – я лишь один из них, – хотят внести ясность в этот вопрос, и мне нужно, чтобы Ниро Вулф засучил рукава.

– То есть Вулф нанимает корпорация? Верно?

– Разумеется!

– И чего она желает? Минутку, я выражусь иначе. Мы должны либо обосновать то словечко в рапорте, либо заставить уважаемого мистера Керра Нейлора слопать свою бумажку. Этого вы хотите?

– Грубо говоря, да.

– А полномочия нам предоставят?

– Рассчитывайте на любое разумное содействие. Все детали будете обсуждать со мной... Опять пустая трата времени! Действовать придется осмотрительно и деликатно. Мне приходила в голову мысль устроить Ниро Вулфа к нам в отдел фондов – под чужим именем, естественно, – и тогда ему удалось бы... Что такое?

– Ничего. Вы уж простите.

Я тоже встал. Стоило мне вообразить, как Вулф каждое утро топает по Уильям-стрит в толпе спешащих на службу белых воротничков (ладно, допустим, я мог бы подвозить его к конторе), пробивает учетный талончик под табельными часами и затем целый день трудится в отделе фондов, и я уже ничего не мог поделаться с собственным лицом.

– Прекрасно, – выдавил из себя я. – Думаю, этого хватит для доклада мистру Вулфу. Однако мы еще не упомянули деньги. Сразу должен предупредить: послевоенная инфляция никак не отразилась на его расценках, которые и прежде были непомерно высокими.

– Наша компания не скупится на вознаграждение за хорошую работу.

Поздравив с этим Пайна, я схватился за шляпу и плащ.

Глава 4

Между мной и Вулфом вновь пробежал холодок. Подобные моменты случались в среднем раза четыре на неделе – за год набегала, скажем так, пара сотен стычек. В данном случае причин было две. Во-первых, мое естественное желание получить в распоряжение новый автомобиль натолкнулось на упрямую решимость Вулфа обождать с покупкой еще год. Во-вторых, он зачем-то вознамерился приобрести бесшумную пишущую машинку и плевать хотел на мою привязанность к старой.

Так вышло, что холодом веяло и от других обитателей принадлежавшего Вулфу особняка из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице, недалеко от набережной Гудзона, который он использовал как резиденцию и офис одновременно. Считая самого Вулфа, нас там обреталось четверо, и все мы теперь источали холод. Вулф вздумал во что бы то ни стало приправить базиликом суп из моллюсков, с чем никак не мог согласиться Фриц Бреннер, наш повар и дворецкий. Некий субъект из Нью-Гэмпшира прислал Вулфу в знак благодарности три бегонии недавно выведенного сорта «Тимблберри», и тот выставил цветы в прохладной секции оранжереи, чем, естественно, вызвал страшное недовольство Теодора Хорстмана, нашего цветовода, который считал сорняком любое растение, кроме орхидей.

Короче говоря, атмосфера в доме неуловимо напоминала арктическую, и я, спускаясь в лифте, задумался о том, что вся эта дребедень с «Нейлор-Керр», или с Керром Нейлором, или с делом Пайн – Керр-Нейлор – очень даже удобный предлог сбежать от холода хотя бы на несколько дней. Почему бы мне самому не устроиться в отдел фондов? Эту перспективу я взвесил тщательнее, прошмыгнув в такси под носом у пары других страждущих.

Соглашаться на любую вакантную должность не показалось мне практичным шагом. Дружеский треп с лифтером помог выяснить, что «Нейлор-Керр» производит и поставляет промышленное оборудование и запчасти к нему, в чем я, понятно, был полный профан, разве что спецовку мог натянуть, и только.

Так или иначе, мне требовалась должность, которая позволит отираться в кабинетах и общаться с разными людьми, иначе расследование грозило затянуться на месяцы, чего я допустить никак не мог. И без того будет непросто подвести Вулфа к мысли выделить мне недельку на попытки уладить дело, ведь мои услуги бывают нужны ему ежечасно и могут потребоваться в любую минуту. Начиная с распечатывания почты и заканчивая выдворением нежелательных клиентов – под дулом пистолета, если потребуется. Всякое бывало.

Идея мне понравилась, но я не люблю блуждать впотьмах, когда речь заходит о чем-то хоть отдаленно смахивающем на убийство. Поэтому я заявил водителю такси, что мне только что было видение, и распорядился поворачивать к убойному отделу на Западной Двадцатой улице. Волей случая Пэрли Стеббинс, любезный моему сердцу сержант полиции, оказался на месте и с готовностью раздобыл необходимые мне сведения, испустив лишь три-четыре стона, не более.

Звонок брату-сержанту в центральный участок помог установить, что Уолдо Уилмот Мур погиб четвертого декабря ближе к полуночи. На тело Мура, лежавшее на Тридцать девятой улице в ста двадцати футах к востоку от Одиннадцатой авеню, наткнулась супружеская чета. Мужчина оставался с Муром, пока его жена бегала звонить в полицию. Подмога в виде оборудованной рацией патрульной машины прибыла на место в девятнадцать минут второго ночи пятого декабря. Голова пострадавшего была разбита, ноги переломаны, тут уж ничем не поможешь, оставалось только признать бедолагу мертвым.

Машину-виновницу нашли уже на следующее утро: она стояла на Западной Девяносто пятой улице близ Бродвея. Мотор еще не остыл, а угнали ее вечером четвертого с парковки на Западной Пятьдесят четвертой. Владельца долго мурыжили, прошерстили сверху донизу и

слева направо, а потом наоборот, но в итоге отпустили восвояси. Свидетелей происшествия не нашлось, хотя выводы патологоанатома и лабораторных спецов, изучавших следы на покрышках и бампере угнанной машины, позволили восстановить картину происшествия.

Дело завели на неизвестного водителя, скрывшегося после наезда на пешехода, и следствие пока не прекращали. Повесив трубку, Пэрли выскочил за дверь, а когда вернулся через пару минут, сообщил, что обстоятельства смерти Мура по-прежнему выясняет убойный отдел, точка в разбирательстве еще не поставлена.

– Ну еще бы! – ухмыльнулся я. – Могу вообразить: долгие совещания, тщательное изучение мельчайших улик, десять лучших следователей ворочают булыжники в поиске новых зацепок...

Пэрли процедил некое словцо и, удовлетворив таким образом мою мимолетную прихоть, осклабился сам:

– Хочешь – пересаживайся за мой стол и засучи рукава! Да колись уже, кто ваш клиент?

Я лишь головой покачал:

– Кажется, я знаю, откуда у тебя этот трескучий голос. Видно, твоя матушка терла мускатные орехи, пока вынашивала тебя... Да кто угодно, хоть страховая компания.

– Брехня! Ни одна страховая компания не станет платить по счетам Ниро Вулфа. Еще раз спрашиваю: кто пустил тебя по следу?

– Пока умолчу об этом. – Тут я решительно поднялся на ноги. – Кому-то что-то привиделось во сне, и все. Если паче чаяния нащупаем в этом деле прочную ниточку, позволим вам за нее ухватиться. Обязательно передай боссу мою любовь.

Впрочем, мне и самому представился шанс расшаркаться. Когда я уже подходил к дверям, босс выскочил мне навстречу – инспектор Кремер собственной персоной, хмурый и весь в спешке.

При виде меня, однако, он застыл как вкопанный и выпалил:

– Что ты здесь забыл?

– Видите ли, сэр, – умоляюще начал я, – богатый опыт дает мне надежду начать простым патрульным, откройся у вас вакансия. Глядишь, мало-помалу я мог бы...

– Прирожденный клоун, – с чувством произнес Кремер. – Это насчет дела Мередита, да? Неужели Вулф осмелился влезть без спроса...

– Нет, сэр, и мистер Вулф счел бы ваши слова за неуместную грубость. Не далее как вчера он заметил: если мистер Кремер когда-либо...

Он зашагал дальше. Укоризненным взглядом я проводил широкую твердую спину инспектора и поспешил выбраться на улицу.

Глава 5

Удобно сидя за рабочим столом, я повесил трубку и сообщил Ниро Вулфу:

– В банке уверяют, что «Нейлор-Керр» могут разгуляться в пределах двадцати миллионов.

Испутив долгий вздох, сидящий за собственным столом Вулф погрузился в молчание. Я пересказал ему всю историю, ограничившись голыми фактами: уже упомянутый холодок между нами помешал расцветить или приукрасить ее. Естественно, первым порывом Вулфа было отказаться от расследования, поскольку любой намек на необходимость пустить в дело мозги неизменно вызывал в нем раздражение. Однако что-то подсказывало, что на сей раз долго увещевать его не придется. Казалось, деньги сами плывут в руки, а они всегда бывают кстати.

Еще один вздох.

Тогда я снова заговорил, хотя и по-прежнему сухо:

– Полагаю, можно принять за гипотезу, что Пайн сам задавил Уолдо Уилмота Мура, но не показывает виду. Причин мы пока не знаем, но кому-то они наверняка известны. В любом случае платить нам будет корпорация, а не он лично. Одно то, что Пайн хотел предложить вам поработать под прикрытием в отделе фондов, уже доказывает: проблема не дает ему спать по ночам. Вы могли бы устроиться туда под именем Кларенс Камамбер, например, или Перси Щукс... Если дел окажется невпроворот, сможете брать работу на дом, я с удовольствием помогу. «Нейлор-Керр» могла бы платить вам по весу: скажем, по доллару за фунт еженедельно. Сидя или стоя, вы весите около трехсот сорока фунтов, так что ваш годовой оклад составит...

– Арчи, блокнот.

– Да, сэр. – Я открыл блокнот на чистой странице.

– Письмо мистеру Пайну, президенту и прочая. «Мистер Гудвин известил меня о состоявшейся между вами утренней беседе. Я принимаю предложенное Вашей компанией поручение расследовать обстоятельства гибели ее бывшего сотрудника Уолдо Уилмота Мура. Насколько я могу судить, моя задача состоит в установлении и надлежащем обосновании причин его смерти, последовавшей в результате несчастного случая либо в силу чьих-то предумышленных действий. В эту задачу не входит, как я понимаю, раскрытие личности убийцы или же убийц – если имело место второе, – равно как и поиск изобличающих их фактов. Если же Вы пожелаете получить и эти сведения, прошу уведомить меня отдельно». Новый абзац. «Скорейшему достижению поставленной Вами задачи, как мне кажется, послужит внедрение мистера Гудвина в штат работников компании в качестве специалиста по кадрам. Его присутствие Вы могли бы правдоподобно обосновать как часть стратегии по снижению текучки персонала. Это позволит ему в течение рабочего дня свободно перемещаться по офису компании и беседовать с любыми ее работниками, не вызывая подозрений и не способствуя распространению слухов, пресечь которые Вы намерены. Считаю разумным назначить ему недельное жалованье в размере двухсот долларов». Новый абзац. «Размер моего вознаграждения, разумеется, будет зависеть от времени, которое потребуется для достижения желаемого результата, а также от объема и характера затраченных усилий. Гарантий не предоставляем. Авансовые выплаты необязательны, но, если Вы предпочитаете вести дела подобным образом, мы примем чек на сумму две тысячи долларов. Искренне Ваш». – Тут Вулф, имевший обыкновение выпрямляться в кресле по ходу диктовки, вновь откинулся на спинку. – После ланча можешь отправиться туда и передать письмо.

Если прежде я был холоден, то теперь меня сковали льды.

– К чему ланч? – завопил я. – Зачем мне есть?

– А почему бы и нет? – Веки Вулфа, дрогнув, приподнялись. – В чем дело?

– Ни в чем. Так, ерунда. Я всего лишь предпочитаю завершить начатое, а то дело затянется на недели. И здесь найдутся одна-две мелочи, требующие внимания, не говоря уже о крошечной вероятности неудобств, которые возникнут, если вы позвоните или окликнете меня, чтобы побрызгать, что бывает в среднем по десять раз в час, а меня не случится рядом. Или, просто предположим... прежде я как-то об этом не задумывался... что, если вы подыскиваете мне замену?

– Арчи... – промурлыкал он. Когда Вулф принимается мурлыкать, держись подальше. – Не помню, кто это сказал, но я согласен с мнением, что незаменимых людей не бывает. Между прочим, мог бы и заметить, что я предложил клиенту назначить тебе то же жалованье, какое ты получаешь у меня. Ты волен переписывать чеки «Нейлор-Керр» на мое имя для помещения в банк и, как обычно, получать жалованье в виде моих собственных чеков или же оставлять чеки «Нейлор-Керр» себе в качестве гонорара. Как сочтешь удобным для ведения счетов.

– От всей души благодарю.

Больше я не пытался перечить. Вулф намеренно трижды использовал в одной фразе множественное число – «чеки» – и добился желаемого эффекта. Я достал бумагу и копирку, заправил закладку в машинку и приступил к печатанию – да так, что не оставалось сомнений, бесшумна моя машинка или нет.

Холодок.

Глава 6

Уже наутро следующего дня, в среду, девятнадцатого марта, за день до окончания зимы¹, я приступил к работе в «Нейлор-Керр» на должности специалиста по кадрам.

Сведения, какими я располагал, ничуть не приумножились со времени моей первой встречи с Пайном. Во вторник, когда я отнес ему письмо Вулфа, Пайн благодушно позволил закидать себя вопросами, но ответить толком не сумел. Сочиненный Вулфом план он в целом одобрил и доказал свою состоятельность в роли руководителя, немедленно приступив к руководству.

Это было несложно. Всего дел – вызвать к себе заместителя вице-президента, представить меня, отрекомендовать, поручить зачислить в штат и лично познакомиться с главами всех отделов. Что и произошло незамедлительно.

Знакомство состоялось в кабинете заместителя вице-президента, куда были вызваны начальники отделов. Я тут же улучил момент, чтобы заметить: вот почитаю отчеты, просмотрю записи и начну, пожалуй, с отдела фондов.

В среду утром я приступил к работе, посетив этот самый отдел на тридцать четвертом этаже. Там меня подстерегало небольшое потрясение. Должен признаться, я ожидал увидеть нечто вроде сильно разросшейся скобяной лавки: сплошь ряды полок, до потолка набитых разными разностями, которые не дают разваливаться мостам, и всем таким прочим.

Ничуть не бывало. Моим глазам предстало помещение размером с «Янки-стадиум», сотни письменных столов, и за каждым – по девице. Вдоль стен из конца в конец тянулись офисные перегородки с распахнутыми настежь или, наоборот, закрытыми дверями. Никаких полок нет и в помине.

Хорошенько присмотревшись, я понял, что работа мне нравится. Девушки. Все до одной неотлучно находятся на своих местах, им и платят-то, чтобы они никуда не уходили. Мне же платят, чтобы я бродил где вздумается и разговаривал, с кем захочу. Так и записано в контракте, черным по белому.

Может статься, проведи я в этом цветнике пару лет, ближайшее рассмотрение выявило бы индивидуальные недостатки отдельных экземпляров. Второй сорт и ниже по критериям возраста, силуэта, чистоты кожи, голоса или уровня интеллекта. Однако там, где я замер в девять пятьдесят две утра в ту среду, моим глазам предстала картина, от которой дыхание перехватывало.

Не менее полутысячи девушек. И вместе они создавали общее впечатление чистоты, юности, здоровья, дружелюбия, бодрости, обаяния и отзывчивости. Я стоял, наслаждаясь зрелищем, и пытался изобразить бесстрастность. Передо мной раскинулся целый океан замечательных возможностей.

– Едва ли во всем помещении отыщется хоть одна девственница, – предупредил чей-то голос у моего локтя. – А теперь, если вы пройдете в мой кабинет...

Керр Нейлор, глава отдела фондов. По прибытии я направился прямо к нему, как и было запланировано, и он познакомил меня с десятком заместителей, начальниками секций. Все – мужчины, за двумя исключениями.

Особый интерес вызвал у меня шеф по контролю корреспонденции. В конце концов, Уолдо Уилмот Мур трудился под его началом. Однако я постарался не уделить ему лишнего времени или внимания сразу. Фамилия его была Дикерсон, он годился мне в дедушки, и у него слезились глаза.

¹ До весеннего равноденствия, астрономического начала весны. – *Примеч. ред.*

Из нашей короткой беседы я усвоил, что обязанностью контролера корреспонденции было шнырять вокруг, по малейшему капризу пикировать на лежащее без надзора письмо и уносить его в когтях к себе в кабинет для тщательной проверки содержания, тона, соответствия политике компании, выдержанности стиля и четкости оформления.

Стало быть, в отделе фондов контролеру рады не больше, чем сотруднику военной полиции где-нибудь в окопе. И это все усложняло. По всему выходило, что идея прикончить Мура могла прийти на ум любому письмоводителю или стенографу в отделе. Включая тех, кто успел потерять работу. А ведь текучка кадров составила двадцать восемь процентов!

В одиночку разбирать по соломинке весь этот стог сена не входило в мой план достижения счастья, хотя по упомянутым выше причинам процесс мог оказаться весьма занимательным.

Кабинет Керра Нейлора также располагался в углу, но во всех отношениях выглядел куда более скромно, чем офис президента компании двумя этажами выше. По одной стене потолок подпирали канцелярские шкафы с картотеккой, на столах громоздились стопы бумаг, занявшие в придачу и пару кресел. Когда мы уселись (он – во главе стола, я же – сбоку и поодаль), мне вздумалось уточнить:

– Значит, девственниц вы предпочитаете не нанимать?

– Что? – Он захихикал. – А-а, это всего лишь наблюдение. Нет, мистер Честнотт, у нас нет подобных предубеждений. Просто я сомневаюсь, что девственницы тут водятся. Итак, с чего вы собираетесь начать?

Тоненький тенор Нейлора вполне соответствовал внешности. Назвать его пигмеем язык бы не повернулся, но в день, когда его лепили, глину явно приходилось экономить. С краской, очевидно, тоже случились перебои: кожа Нейлора выглядела бесцветной, и только глаза подсказывали, что он еще дышит. Цветом они опять же не вышли, зато сохраняли некий танцующий блеск, шедший откуда-то из глубины.

– Думаю, – начал я, – для начала стоит просто побродить тут и составить план действий. То есть совсем нет девственниц? Кто же сорвал все цветочки? Кстати, можете звать меня Питом. Как все.

В ряды служащих «Нейлор-Керр» я решил внедриться под именем Питера Честнотта: мне нравилось, как это звучит. Пайн посчитал, что имя Арчи Гудвин может кому-то показаться знакомым. К вопросу же о девственницах я вернулся для поддержания разговора, надеясь по ходу беседы присмотреться к Нейлору. Увы, то свое замечание он, по-видимому, и впрямь отпустил случайно, и проблема девственниц не слишком его занимала, как это нередко бывает с мужчинами за пятьдесят. Мою подначку он пропустил мимо ушей.

– Как я понимаю, вы намерены досконально изучить проблемы нашего персонала: что было, что есть, на чем сердце успокоится. Если пожелаете начать с конкретики, а уж потом делать обобщения, я предложил бы рассмотреть личное дело Уолдо Уилмота Мура. Он работал у нас на должности контролера в прошлом году, с восьмого апреля по четвертое декабря. Его убили.

Потаенный блеск в глазах Нейлора затанцевал на поверхности и юркнул обратно вглубь. Вопреки стремительному развитию разговора я сумел сохранить невозмутимую мину. Впрочем, кто же откажется удовлетворить любопытство и поохать над жертвой убийства? Естественная реакция, по-моему. Лучше будет отпустить вожжи и хотя бы бровь приподнять.

– Вот тебе раз! – сказал я. – Мне не сообщили, что все настолько запущено. Убили, говорите? Прямо здесь?

– Нет-нет, не в здании. Посреди ночи, на Тридцать девятой улице. Его переехали машиной. Вся голова всмятку, – пискнул мистер Нейлор, а может, то был не писк, а скрип натянутых нервов, вдруг давших слабину. – Меня в числе прочих пригласили в морг на опознание. Престранное это ощущение, могу вам доложить, когда пытаешься в чем-то плоском распознать

прежде шарообразный предмет. Попробуй угадай апельсин в оранжевом блине. Чрезвычайно увлекательно, но пытаться снова я бы не стал.

– И как, удалось вам его опознать?

– Ну конечно. Вне всяких сомнений.

– Почему же тогда вы говорите, что он был убит? Злодея все-таки нашли?

– Ничего подобного. Кажется, в полиции смерть Мура посчитали несчастным случаем.

Это у них называется «дорожное происшествие с неизвестным виновником».

– Значит, все-таки не убийство. В юридическом смысле.

Нейлор улыбнулся мне. Его чистенькие тонкие губы, сложенные в куриную гузку, сумели бы выразить немного, но это точно была улыбка, хотя она и пропала, едва возникнув.

– Мистер Честнотт, – заговорил он опять, – если мы хотим по-настоящему сотрудничать, нам стоило бы научиться понимать друг друга. Я человек проникательный. Вы удивились бы, поняв, насколько хорошо я вас уже изучил. Одна моя черта говорит о многом: языки всегда давались мне без труда. Я привык предельно тщательно выбирать слова. Стараюсь обходиться без эвфемизмов и околичностей, будучи осведомлен обо всех глаголах, включая жаргонизмы, которыми можно описать причину чьей-то смерти. Что я говорил о происшествии с Муром?

– Вы сказали, он был убит.

– Именно. Значит, это я и хотел сказать.

– Прекрасно, мистер Нейлор, но я тоже не прочь поиграть в слова.

У меня возникло ощущение, что такую подачу я смогу отбить. Пусть причина, по которой он размахался битой, остается туманной, мне, возможно, повезет выиграть этот иннинг, а то и всю игру в первое же рабочее утро! Попытаться стоило. Мои губы сами растянулись в улыбке.

– Знаете, я просто обожаю слова, – объявил я Нейлору. – Мои оценки по грамматике никогда не опускались ниже четверки, вплоть до восьмого класса. Не то чтобы мне нейдет, но раз уж речь зашла о словах... Услышав от вас, будто Мура убили, я могу заключить, что водитель злополучной машины был с ним знаком и намеренно направил на него автомобиль, желая его прикончить или как минимум покалечить. Не к этому ли все сводится?

Нейлор смотрел на стену над моим плечом. Его обращенные ввысь, замершие глаза не обнаруживали прежнего блеска, и мне пришлось вывернуть шею, чтобы понять, чем же он так заинтересовался. Пустая стена, не считая большого циферблата часов. Когда я опять обернулся к Нейлору, его взгляд спустился на уровень моей головы.

Та же скупая улыбка.

– Двадцать минут одиннадцатого, – огорченно сообщил он. – Мне показалось, мистер Честнотт, что президент Пайн нанял вас разрешить проблему с текучкой кадров. Как по-вашему, понравится ли ему, что вы проводите время за болтовней об убийстве, которое никак не связано с данным вам поручением?

Вот же ловкач плюгавый! Как отобьешь такой крученный мяч? Мне виделся только один способ: насадить Нейлора на швабру и протереть им полы. Впрочем, пока это удовольствие пришлось отложить на неопределенный срок. Проглотив обиду, я поднялся со стула и усмехнулся, глядя на него сверху вниз:

– Точно, молоть языком я мастер. Как мило, что вы послушали. Может, отправите наверх циркуляр? Или как там у вас делается? Пусть удержат с меня часовое жалованье в тройном размере. Заслужил, каюсь. – И я вышел.

Если «свои нюансы», упомянутые Пайном, включали острое желание его самого и других боссов компании привязать к хвосту Керра Нейлора консервную банку и погонять его хорошенько, буду счастлив помочь. Скользкий, недобрый тип...

Нейлор до того меня раззадорил, что из его кабинета я сразу двинулся на середину основного зала, наугад лавируя в лабиринте письменных столов и отчаянно крутя головой, чтобы сделать выбор, такой нелегкий в этом вихре лиц, плеч и рук. Далеко не сразу я остановил его

на девушке, наверняка прежде работавшей в модном агентстве Пауэрса² и уволенной только потому, что в ее присутствии все прочие модели выглядели так себе.

Когда я присел на краешек стола, она обратила ко мне ясный голубой взор. Глаза ангела, глаза целомудренной девы.

Я придвинулся ближе.

– Меня зовут Питер Честнотт, – заговорил я. – Меня наняли как специалиста по кадрам. Быть может, шеф вашей секции предупреждал обо мне?

– Предупреждал, – ответила красавица теплым, мелодичным голосом.

Всегда питал слабость к контральта.

– В таком случае подскажите, пожалуйста: какие слухи ходят здесь о человеке по фамилии Мур? Об Уолдо Уилмоте Муре? Вы были знакомы, пока он тут работал?

– Мне так жаль, – покачав головой, ответила она, каким-то чудом сумев вложить в голос еще больше тепла, – но я лишь позавчера устроилась, а в пятницу уже ухожу. И только потому, что не умею писать без ошибок! Никогда не получалось... – Ее милые пальчики удобно устроились на моем колене, глаза постарались проникнуть в самое сердце. – Мистер Честнотт, не посоветуете ли какую-нибудь работу, где можно забыть о правописании?

Не помню толком, как я с ней распрощался.

² Американский актер Джон Роберт Пауэрс (1892–1977) создал в 1923 г. модельное агентство, которое поставляло кадры Голливуду. Среди «девушек Пауэрса» была, например, Бетти Блумер, ставшая впоследствии супругой президента США Джеральда Форда. – *Примеч. ред.*

Глава 7

Мне выделили собственный закуток – в самый раз для ирландского сеттера, но для дога тесновато – примерно в середине ряда кабинетиков, выгороженных вдоль обращенной к городскому центру стены общего зала. Внутри обнаружили прелестный маленький стол, три стула и канцелярский шкаф, запиравшийся на замок. Ключ от него мне тоже выдали.

По-видимому, через улицу выстроились сплошные хижины, поскольку за окном было пусто, а если скосить глаза, открывался превосходный вид на Ист-Ривер.

Я зашел внутрь и уселся.

Похоже, я по беспечности вляпался в сложную ситуацию, не продумав хорошенько ни стратегии, ни тактики. В результате допущены уже два просчета. Когда Керр Нейлор с места в карьер оглушил меня убийством Мура, нужно было выставить себя недалеким малым с одной извилиной в мозгу, которого ничто не заботит, кроме кадровых проблем. А когда он сменил тему, опять застав меня врасплох, стоило пойти на попятный и утереться, вместо того чтобы приставать с Муром к чудесному видению, не способному складывать буквы в слова. Слишком рьяно я взялся за дело.

С другой стороны, я точно не собирался тратить неделю или того больше, строя из себя специалиста по кадровым вопросам.

Выкурив пару сигарет в этих раздумьях, я отпер шкаф и вынул оттуда две папки. Надпись на одной гласила: «Отдел фондов. Секция металлоконструкций», на второй значилось: «Отдел фондов. Секция контроля корреспонденции». Сунув обе под мышку, я выбрался на простор, пересек зал по центральному проходу и постучал в дверь кабинета на дальней стороне. Голос изнутри пригласил меня войти, что я и сделал.

– Простите, – сказал я. – Вижу, вы заняты.

Мистер Розенбаум, глава секции металлоконструкций, лысый тип средних лет в очках с толстой черной оправой, махнул мне рукой: давай заходи.

– И что с того, – заметил он без вопросительной интонации. – Когда никто не мешает мне диктовать письма, я сбиваюсь с мысли. Стучаться здесь не принято, вторгайтесь смелее. Присаживайтесь. Я вызову вас попозже, мисс Ливси. Это мистер Честнотт, о котором говорилось в разосланной сегодня служебной записке. А это мисс Ливси, моя секретарша.

Я уже прикидывал, как это мог ее не заметить. Даже в грандиозном цветнике снаружи. Затем меня осенило: у секретарши начальника секции наверняка имелся собственный кабинет.

Мисс Ливси не казалась такой уж эффектной по сравнению с моей безграмотной голубоглазкой, но в ее облике с первого взгляда угадывались две вещи. Мгновенно возникало впечатление, будто в ней есть нечто прекрасное, что только ты один и способен разглядеть, а вместе с тем – ощущение, будто ей грозит опасность, настоящая беда, и никому, кроме тебя, не под силу это постичь и избавить ее от напасти. Многовато для одного взгляда, отнявшего не более пары секунд? Что ж, я все это узрел и отчетливо помню.

Она вышла, захватив блокнот, и я уселся.

– Спасибо, что позволили вломиться, – поблагодарил я Розенбаума, шелестя страничками в папке. – Много времени не отниму. Просто хочу задать несколько общих вопросов насчет этих отчетов и разобраться поплотнее с одним-двумя. У вас тут лихая организация труда, с этими отделами и секциями. Это все упрощает.

Тут он согласно закивал, но поспешил перебить:

– Без путаницы все равно не обходится. Я отвечаю за металлоконструкции, но недавно должен был принять на склад тридцать семь африканских слонов, как раз в Африке, и мне нипочем не удастся спихнуть их в другую секцию. Я придерживаюсь мнения, что слоны не металлические. Придется, наверное, дойти до мистера Нейлора, чтобы избавиться от них.

– Ха! – хмыкнул я. – Так вот где прячутся ваши склады, в Африке! Еще бы, слоны. А я-то недоумеваю. Теперь, когда тайна раскрыта, займемся кадрами. К слову сказать, мне бросилось в глаза, что и ваша секретарша, мисс Ливси, как-то не светится от счастья. Надеюсь, она не собирается увольняться?

Лишнее свидетельство того, какое сильное впечатление произвела на меня эта женщина. Я снова вышел из роли, без всякой на то причины упомянув ее имя.

– От счастья? – покачал головой Розенбаум. – М-да, пожалуй, не светится. Парень, с которым она была обручена, погиб несколько месяцев назад. Несчастный случай. – Его голова снова пришла в движение. – Если вам поручили озаботиться счастьем наших сотрудников, боюсь, шанс осчастливить мисс Ливси невелик. А ведь как секретарше ей нет равных. Попадись мне тот сбежавший водитель, придушил бы, наверное.

– Был бы рад подсобить, – с сочувствием протянул я, роясь в бумагах. – А что, этот несостоявшийся жених... Его имя есть в стопке? Он тоже трудился здесь?

– Да, но не под моим началом. Он проверял письма. Для мисс Ливси его смерть стала большим потрясением, она не выходила на работу целых... Вот опять меня понесло. Вы же не мою болтовню слушать пришли. Что вы хотели знать, мистер Честнотт? Спрашивайте.

Уже решив не усердствовать, я предпочел не выходить из образа, но, похоже, куда бы я ни сунулся, везде витал призрак Уолдо Уилмота Мура. Мы с Розенбаумом занялись разбором рапортов. Загодя сочиненные вопросы, кажется, звучали достаточно разумно, чтобы не выдать во мне шарлатана, и позволили нам общаться еще минут двадцать.

Затем я прошествовал вдоль ряда кабинетов к владениям главы секции контроля корреспонденции. Тот сидел в одиночестве за распахнутой дверью. Дряхлость и слезы в покрасневших глазах отнюдь не мешали дедуле Дикерсону соображать. Едва мы покончили с предварительными любезностями и я, усевшись, открыл свою папку, как он весьма дружелюбно осведомился:

– Вот любопытно, мистер Честнотт, отчего вы решили начать именно с меня?

– Видите ли... вы не первый в моем списке, мистер Дикерсон. Я уже успел переговорить с мистером Розенбаумом. Кстати, мы пытались решить занятную проблему: считать ли слонов персоналом?

Сбить старикана с толку оказалось не так уж просто.

– Допустим, – сказал он. – В нашем отделе у меня меньше всего работников. Только шестеро, тогда как в прочих секциях их число доходит до сотни. К тому же с текучкой кадров у меня все в ажуре: единственный случай увольнения за без малого восемь лет. Погибший сотрудник заменен новым. Я бы и хотел помочь, но ума не приложу, на кой я вам сдался.

– Вполне оправданное недоумение, – произнес я, – если рассматривать ситуацию из вашего кресла. Общие проблемы с персоналом вашу секцию не затронули. Однако ее значение велико. Все в этой конторе считают ваших шестерых работников пронырливыми стукачами, а вас – Главным Пронырой.

Дикерсон даже не вздрогнул, только кивнул в ответ:

– И как вы предлагаете это изменить?

– Ничего я не предлагаю. Но этот факт отлично увязывается с проблемой текучки кадров. Возьмем, к примеру, того малого, погибшего под колесами. Разве вы не слышали, будто его смерть не случайна?

– Чушь! Сплетни! – Он хлопнул ладонью по настольному календарю. – Послушайте, молодой человек, вы и вправду считаете, что работа моей секции, прямо или косвенно, привела к преступлению?

– Да.

Нижняя челюсть Дикерсона подождала немного, отвисла, да так и осталась висеть. Я едва удержался от того, чтобы выхватить носовой платок и промокнуть ему глаза.

– Не скажу, что доволен формулировкой, – с нажимом заговорил я, – но вы сами выбрали выражения. Я бы добавил, что циркулирующие в компании толки о смерти этого человека и составляют одну из кадровых проблем. Сам мистер Нейлор рекомендовал мне обратить на них пристальное внимание. Вы не против, если я задам несколько вопросов о погибшем? Об этом Муре.

– Я категорически возражаю против инсинуаций, будто работа моей секции могла привести к преступлению или служить законным оправданием чьей-то жажде мести.

Все в порядке, челюсть под контролем.

– Вот и славно. Кто говорил про законность? Жажда мести приобретает самые разные формы. Однако вернемся к Муру. Что скажете о нем? Каким работником он был? Хорошим?

– Нет.

– Нет? – деловито переспросил я. – А что с ним было не так?

Челюсть старика снова дрогнула, но опускаться не торопилась. Уняв ее, он заговорил:

– Я руковожу работой секции с момента ее учреждения, двадцать с лишком лет подряд. В прошлом апреле у меня было пятеро подчиненных, и этого более чем хватало. Так или иначе, наняли еще одного, а мне поручили пристроить его к делу. Контролер из него вышел никудышный, но на мои доклады не обращали внимания. Пришлось мириться с его присутствием. К тому же пара совершенных им грубых ошибок осложнила работу и могла поставить под сомнение репутацию всей секции, не будь мы настроже.

Бог ты мой, мелькнула мысль, опять двадцать пять! Я из сил выбиваюсь, чтобы сузить круг подозреваемых, а тут сразу шестеро новых кандидатов: Дикерсон собственной персоной и пять его верных подручных. Каждый из них жаждал устранить Мура, просто чтобы не срамить родную секцию. Теперь в списке подозреваемых решительно все, за исключением разве что Керра Нейлора.

– Погодите, – запротестовал я. – Как насчет правил найма? Как я понимаю, централизованное управление персоналом у вас не применяется? Теоретически кадровой политикой заняты начальники отделов, а на практике главы секций творят что хотят. Кто конкретно нанял Мура и навьючил его на вас?

– Не знаю.

– И то верно, откуда же вам знать?

Дикерсон протер глаза носовым платком, отчего я смог наконец вздохнуть свободнее. Однако вопреки всем моим надеждам платок был аккуратно сложен и водворен обратно в карман.

– А вот это, – заметил Дикерсон, – проблема. Важнейшая из всех в нашей отрасли и неоспоримо самая сложная. Разумеется, полномочия у нас распределены весьма четко. На этом этаже нет никого выше меня, за исключением главы отдела, мистера Керра Нейлора, сына одного из основателей компании. Получается, только он один способен навязать мне определенное решение. Мистер Нейлор.

– Значит, Нейлор сам принял Мура на работу?

– Не знаю.

– Но это он решил, что вам необходим еще один сотрудник, и навязал Мура?

– Конечно. Я же описал вам нашу субординацию.

– Что еще вы можете сказать про Мура, помимо его некомпетентности?

– А что тут скажешь...

Взгляд и тон Дикерсона указывали на то, что вопрос он счел идиотским. В его понимании некомпетентность решала все, об остальном и говорить не стоило. Похоже, впрочем, и Главному Проньре ничто человеческое было не чуждо: даже самым компетентным сотрудникам нужно время от времени питаться. Вытащив из жилетного кармана часы на цепочке, Дикерсон воззрился на них, вслед за чем объявил:

– Ровно в двенадцать у меня перерыв на обед, мистер Честногг.

Глава 8

Оказавшись за порогом кабинета Дикерсона, я свернул налево, к центру уставленного столами «стадиона», но тут меня остановила некая мысль. Покрутив ее в голове так и этак, я не нашел в ней очевидных изъянов, а потому сделал разворот и направился обратно. Дойдя до двери Розенбаума, я вновь обнаружил ее закрытой. Поскольку он разрешил не стучаться, просто повернул ручку и вошел. Я собирался спросить, где находится кабинет его секретарши, но до этого не дошло: мисс Ливси, с блокнотом в руках, сидела здесь же, в конце стола.

Когда я вошел, она даже головы не повернула. Розенбаум же окинул меня взглядом и бесцветно произнес:

– Снова здрасте.

– Я тут немного покумекал, – сказал я обоим, – и решил узнать у мисс Ливси, как ей понравится моя логическая цепочка.

Вот теперь она на меня посмотрела. За минувший час ровным счетом ничего не изменилось. По-прежнему казалось очевидным: никто на всей планете, кроме меня, не в состоянии понять ее и помочь.

– А ход мыслей таков, – объяснил я ей. – Должность обязывает меня провести как можно больше бесед с персоналом компании. При этом желательно свести к минимуму помехи в слаженной работе отдела. Вы тоже персонал. Если мы поговорим за обедом, это нисколько не нарушит хода вашей работы. Я угощаю, счет оплатит компания.

Розенбаум рассмеялся.

– Правильный подход, – одобрил он и заговорил с секретаршей: – Раз уж все это придумано ради тебя, Хестер, можешь, по крайней мере, позволить ему купить тебе сэндвич.

Ее голос можно было бы слушать вечно, вложи она в него хоть каплю чувства. Увы, обращенный к Розенбауму вопрос прозвучал ровно:

– И кому же я этим обязана?

– Точно не мне, – открестился тот. – Возможно, себе самой. Судя по всему, мистеру Честнотту по силам заставить тебя улыбнуться. Даже если улыбка окажется бледной и слабой, отчего бы не попробовать?

Мисс Ливси повернулась ко мне и вежливо произнесла:

– Благодарю вас, не стоило беспокоиться.

В ней явно что-то было, и я, честно признаться, уже начинал завидовать Уолдо Уилмоту Муру, живому или мертвому. Ему-то удалось очаровать эту лапочку настолько, что она едва не вышла за него замуж.

Глаза мисс Ливси снова уткнулись в блокнот. Розенбаум выпятил губы и, разглядывая свою секретаршу, философски покачал головой. Раз уж меня все равно не замечают, не стану навязываться. Я повернулся спиной и уже взялся за дверную ручку, когда сзади прозвучал голос:

– А почему вы спрашивали у девушек, не шепчутся ли здесь о мистере Муре?

Вот это скорость! И двух часов не прошло!

Я развернулся к ней:

– Теперь понимаете? Разве я не говорил, что не хочу мешать работе? Тот же вопрос вы могли бы задать над любым блюдом – от жареной утки до пломбира с кленовым сиропом.

– Хорошо, задам. Мой перерыв с часа дня. Можем встретиться в вестибюле у выхода на Уильям-стрит, рядом с почтовыми ящиками.

– Вот и умница. Улыбку держите наготове.

С тем я и вышел.

Дело спорилось, и мне даже удалось выманить Хестер Ливси на обед, но, увы, мои старания пошли прахом, хотя ни она, ни я в том не были виноваты. Я вернулся в свою каморку, сложил папки в шкаф и запер на ключ, а сам встал у окна, чтобы насладиться видом на реку и подбить итоги.

Как выяснилось, подбивать было нечего. Ну еще бы, саркастически размышлял я, Ниро Вулф покончил бы с делом к полудню и отправился бы домой пить пиво, мне же пока удалось разве что раскачать сплетниц. Кстати, как это они ухитряются? С утра пораньше, при работе без перерывов... Дамская комната, осенило меня. Вот откуда расползаются слухи. Чтобы раскрыть дело и составить подробный отчет, мне требуется всего ничего: юбка, блузка и полчаса в туалетной кабинке.

На реке едва не столкнулись два буксира, и один поспешил прочь, двигаясь зигзагами, как клоп водомерка.

Раздался звонок, и я подскочил от испуга: в крошечной комнате звук показался оглушительным. Откуда он шел, было неясно; начать стоило с телефона, и я подошел к столу, поднял трубку и чуть не ляпнул: «Арчи Гудвин слушает», но вовремя прикусил язык. В ухо потек чей-то тенор:

– Алло. Мистер Честнотт?

– Он самый, говорите.

– Это Керр Нейлор. Мне бы хотелось поговорить за ланчем, если это вас устроит. Подойдете в мой офис?

Я сказал, что буду рад, и дал отбой. Бросил взгляд на запястье. Без десяти час. Я снова схватил трубку и, дождавшись ответа, попросил соединить меня с мисс Хестер Ливси, отдел фондов, секция металлоконструкций. После секундной паузы мне сообщили: «Добавочный шесть-восемь-восемь. По возможности пользуйтесь им, пожалуйста», и после недолгого ожидания другой голос произнес:

– Говорит мисс Ливси.

– Питер Честнотт беспокоит, – начал я. – Сегодня самый неудачный день в моей жизни с тех пор, как богатый дядюшка решил сменить лечащего врача. Мистер Керр Нейлор только что звонил мне, чтобы пригласить на ланч. Впрочем, я могу встретиться с вами, как договаривались, а уже после ланча вернусь и получу расчет.

– Не хочу, чтобы вам указали на дверь, – заявила она. – Я думала о вас. Конечно, идите с мистером Нейлором. Мой кабинет рядом с офисом мистера Розенбаума, дверь слева.

Это обстоятельство несколько не смутило меня в смысле возможного мотива, хотя от внимания тоже не ускользнуло.

Прихватив плащ и шляпу, я направился к угловому офису, на пороге которого меня ждал Нейлор. Плащ и шляпу я захватил неспроста. Несмотря на уверения помощника вице-президента, будто должность позволяет мне питаться в столовой «Нейлор-Керр», в зале для руководства на тридцать шестом этаже, предчувствие подсказывало, что сын основателя компании туда не ходит.

Предчувствие меня не обмануло. Шляпа уже сидела на голове мистера Нейлора, а пальто было перекинуто через руку. Мы спустились на лифте, а из вестибюля на первом этаже Нейлор увлек меня за собой через черный ход, прошагал квартал по улице и свернул за угол к вывеске с надписью зелеными буквами: «ФОНТАН ЗДОРОВЬЯ». Это могло означать только одно, и, когда мы вошли, я угрюмо сообщил желудку, что сюда нас призывает долг службы.

Войдя, мы двинулись к столику у стены, уселись и взяли по меню у официантки. Полный набор: и вершки, и корешки, и прочие деликатесы из рациона травоядных с интригующими названиями вроде «Чаши Эпикура» и откровенными – типа «Морковного пудинга с отрубями». Моя реакция была столь сильна, что я едва слышал разглагольствования Нейлора. Официантка все еще ожидала заказа, а он не мог угомониться:

– ...В общем, я решил рискнуть, лет уже пять назад, и с тех пор прихожу сюда на ланч. Разница просто потрясающая – и в физическом смысле, и в умственном... И даже в духовном. Есть в этой пище нечто очищающее. Она позволяет сохранять внутреннюю легкость и чистоту. Так что вы предпочтете, мистер Гудвин?

Последние два слова я расслышал четко.

Глава 9

Вполне в духе плюгавого ловкача – выбрать для своего выпада именно тот момент, когда над нами нависала знакомая ему официантка. И все для того, чтобы окончательно сбить меня с толку. Так он воображал. Я же попросту поднял меню повыше, чтобы улучшить миг уединения и отгородиться от чужих глаз, пока мозг бьется над возникшей проблемой. Очевидно, изображать оскорбленную невинность уже не имело смысла. Выдержав не особо долгую паузу, я вручил меню официантке и попросил принести мне три яблока и стакан молока. Затем вежливо уточнил у мистера Нейлора:

– Вы что-то говорили? Боюсь, я не слушал.

Он сделал собственный заказ и отпустил официантку.

– Я говорил о диете, – огрызнулся он, – и вы меня слышали. Не стоит ожидать, мистер Честнотт, что эта пища сразу придется вам по вкусу. В первый раз она никому не нравится. Но пройдет немного времени, и вы сами удивитесь, как могли есть что-то другое.

– Угу. Буду уплетать сено и ржать, как конь. А вам, кстати, стоит определиться, кого именно вы угощаете ланчем: Гудвина или Честнотта?

– Гудвин мне нравится куда больше, – улыбнулся Нейлор. – Поэтому в основном я и позвал вас на ланч. Сообщить, что вести со мной дела предпочтительнее честно и прямо. И попросить вас передать кое-что мистеру Ниро Вулфу. Скажите ему, пожалуйста, что свою задачу вы бездарно заporоли. Утром, когда я упомянул убийство бывшего сотрудника отдела, вам не следовало выказывать интерес.

– Понимаю. Большое спасибо за совет. Значит, это всколыхнуло подозрения, и вы решили разобраться. – Я смотрел на него с искренним уважением. – Поздравляю, хвост вы мне прищепили. И с чего же начали?

– Полно-полно, – скривился он и покачал головой. – Вы практически прозрачны, мистер Гудвин. Должен признать, меня это удивило... и разочаровало. Я был бы рад, подключись к расследованию убийства знающий специалист с хорошими мозгами. С величайшим интересом и большими ожиданиями я наблюдал бы тогда за ходом следствия... Но это не лучшие яблоки! – напустился Нейлор на официантку. – Что, вайнсапа Стеймена разве не осталось?

Значит, не осталось. Когда девушка принесла заказанное и отошла, я принялся очищать яблоко. Вообще-то, я предпочитаю есть яблоки с кожурой, но мне показалось, это зрелище выведет Нейлора из себя. Усилия пропали втуне: он вовсе перестал интересоваться мной, зарывшись вилкой в большую миску сырой неопрятной смеси под гордым названием «Витанутрита», особое блюдо дня. Маленький рот не позволял Нейлору заправлять внутрь много здоровой пищи, так что брал он по чуть-чуть, жевал в четком ритме, на «раз-два», и пропускал пару тактов, чтобы подбросить челюстям новую порцию.

– Есть идея, – миролюбиво заметил я. – Вы же не можете быть уверены, что я доставлю ваше сообщение мистеру Вулфу. Так почему бы вам самому не навестить его вечером после обеда, чтобы рассказать о моем просчете?

– Я бы с удовольствием. – (Чавк-чавк.) – Но не сегодня. – (Чавк-чавк.) – Три дня в неделю, по средам, четвергам и пятницам, я играю в шахматы в клубе. – (Чавк-чавк-чавк.) – В субботу я собираюсь за город, хочу провести выходные, наблюдая за птицами. – (Чавк-чавк.) – С радостью посетю его в понедельник.

– Отлично, я все устрою. – За второе яблоко я принялся, не дав себе труда его очистить. – Но к тому времени я могу уже свернуть работу под прикрытием. На мой взгляд – и я надеюсь, мистер Вулф со мной согласится, – выход только один: рассказать обо всем полиции и дать им запустить свой маховик. Обвинение в убийстве – вещь чересчур щекотливая, тем более для такого халтурщика, как я.

Нейлор прервал свое чавканье вопросом:

– И кто же выдвинул подобное обвинение?

– Вы сами.

– Ничего подобного. Я заявил, что Мур был убит, и только. Полиция? Ха! Они уже запустили свой маховик, едва было найдено тело, и тут же застопорили машину. Вы, разумеется, рассчитывали принудить меня к откровенности угрозой спустить свору полицейских. Мой дорогой мистер Гудвин, как ни прискорбно, это дело требует навыков, намного превосходящих ваши. Неделю тому назад я сам явился к заместителю комиссара полиции по фамилии О'Хара, с которым уже давно знаком, и объявил ему, что Мура убили. Он, само собой, попросил меня развить мысль, на что я, естественно, ответил отказом и пояснил, что могу лишь заявить о факте убийства, а сбор улик и поиск преступника – задача его ведомства. – Нейлор захихикал. – Мне показалось, заместитель комиссара всерьез подумывал применить ко мне допрос с пристрастием. Но в итоге счел болтуном и позволил уйти.

Сказав это, он вернулся к раскопкам в лохани «Витанутриты».

Первым моим порывом было осушить стакан с молоком, сунуть третье яблоко в карман, отправиться напрямик на Тридцать пятую улицу и сообщить Вулфу: Керр Нейлор оказался зловредным травоядным жуком-пустомелей, а следствие свернуто за отсутствием состава преступления. На месте меня удержали самые разные соображения, но прежде всего два следующих: «Нейлор-Керр» могут позволить себе спустить два миллиона, а мне между тем уже известно, где находится кабинет мисс Ливси.

– Ладно, – подчеркнуто дружелюбно проговорил я. – Больше никаких угроз и никаких признаний. Шахматы и птички перекрыли доступ к мистеру Вулфу до понедельника. Если отвлекусь от них и вернуться к мистеру Муру, то в отчете о нем в качестве обстоятельств найма вы указали «личное обращение». К кому же он обратился? К главе своей секции мистеру Дикерсону?

Первая зарубка на панцире жука. Она не заставила Нейлора уронить вилку и даже не запустила танец блеска в его глазах, но размышлял и жевал он намного дольше, чем диктовала вежливость. Видно, решил не торопиться.

Проглотив наконец все, что было во рту, Нейлор ответил:

– Он обратился к моей сестре.

– Вот как. К которой?

– Она у меня единственная. – Блеск в глазах сделался явным. – Моя сестра, мистер Честнотт, женщина замечательная, интересная, но более склонная подчиняться условностям, нежели я. Каждому из нас двоих отец передал по четверти акций корпорации. Ему хотелось поскорее сбросить с плеч груз ответственности. Свою долю я безвозмездно передал ряду старейших служащих, которые сделали для компании куда больше моего. Не хотел распоряжаться имуществом, на которое кто-то волен предъявить куда более весомые – в моральном отношении – права. Но моя сестра, придерживаясь более традиционных взглядов, оставила свою долю себе. Чем весьма обрадовала мужа, Джаспера Пайна, с которым вы уже наверняка знакомы. В противном случае он едва ли сумел бы занять пост президента корпорации.

– Значит, Мур получил место только благодаря вашей сестре?

Искры в глазах Нейлора сплясали настоящую джигу.

– У вас выдающийся талант, мистер Гудвин, выставлять факты в самом неприглядном свете. Моей сестре нравится помогать людям. Она прислала Мура ко мне, я побеседовал с ним и свел с Дикерсоном, после чего Мур получил должность в секции... Как насчет пудинга? И «Розового парохода»? Горячей воды пополам с мандариновым соком?

Справочное бюро свернуло работу: с этого момента все разговоры Нейлора свелись к диетической пище. Мои вопросы насчет Мура, убийства или сестры он пропускал мимо ушей.

Ловкач меня игнорировал, и это откровенно бесило. Сдавшись, я просто сидел и смотрел, как он прихлебывает свой «Розовый пароход».

Расстались мы в вестибюле здания на Уильям-стрит. Сделав Нейлору ручкой, я вошел в телефонную будку, набрал номер «Газетт» и попросил позвать Лона Коэна. У этого парня сведения водятся больше, чем в городском управлении полиции и публичной библиотеке, вместе взятых.

Когда Лон взял трубку, я не стал церемониться:

– Твоя очередь оказать услугу. Расскажи про миссис Пайн, замужем за Джаспером Пайном, в девичестве Нейлор. Муж у нее – президент большой компании, поставляет оборудование строителям. Офис в центре. Слышал о такой дамочке?

– Еще бы, это добыча.

– Какого рода?

– Ну, так мы называем всякого, кто не дает умереть с голоду бедным журналистам. Поставщиков новостей. Пока эта дичь упрямо не дается нам в руки, разве что мелькнет в биржевых сводках, но городские газеты еще не оставили надежду.

– Что же подогревает интерес?

– А ты, собственно, откуда звонишь? Не из кабинета Вулфа, часом?

Я поцокал языком:

– Ты не расслышал моего имени? Все хорошо, я в телефонной будке.

– Ладно. Предмет твоего интереса то и дело заводит дружбу с молодыми людьми. В связях разборчива, но неисправима. У нее полно зелени, она хорошо сохранилась для своих лет и, по-видимому, не дура, не то давно покатила бы по наклонной. Я бы и тебе посоветовал попытать счастья... Сколько тебе, лет тридцать? Для нее в самый раз! Ты недурен собой и, если поработаешь над манерами...

– Ага. Потом получишь свою десятину. Полагаю, у вас нигде не завалился список моих предшественников, с которыми она была дружна?

– Ну, списка у нас нет, мы не настолько въедливы. Ты же не воображаешь, будто моя газета станет совать нос в чью-то частную жи... Постой-ка! Минуточку. Ты, Ниро Вулф и эти ваши убийства. Применим ассоциативный подход... Вот черт, как же его звали? Мюррей? Нет. Мур?

– Мистер Коэн, – с благоговением произнес я, – вы, как всегда, без промаха бьете не в глаз, а в бровь. По сравнению с тобой Джон Киран³ – пустое место. Четвертого декабря на Тридцать девятой улице Мура сбили насмерть автомобилем, водитель с места происшествия скрылся. Скажи теперь, что с этим несчастным тоже водили дружбу.

– Водили.

– Миссис Пайн?

– Сформулируй вопрос иначе. Даже если звонишь из будки. Я не хочу впутывать в такую мутную историю ничьих имен.

– С ним дружил предмет моего интереса?

– Да.

– А подробнее нельзя?

– Отчего же. Казалось, хлеб уже намазан маслом, и все только слюнку глотали. Когда парня, с его-то связями, подкосили глубокой ночью, газета почла своим долгом изучить происшествие со всех возможных сторон и избежать тем самым малейших намеков на возможный скандал...

– Ах ты господи! Продолжай, Лон.

³ Джон Киран (1892–1981) – американский журналист, писатель, сценарист, радио- и телеведущий.

– Изучила. Как и копы, надо думать. Только вышел облом. Деталей уже не помню, не задержались в памяти, но прессе там нечего было делать. Тот случай запомнился именно тем, что казался таким многообещающим, а в итоге – пшик. Муж определенно не совершал роковой ошибки, блюдя свою честь или просто отомстив. А Мур не представлял собой ничего интересного. Порядковый номер, уж не знаю, седьмой или восьмой. К тому же его давно списали в утиль и на тот момент дружбу уже водили с другим... этим, как его... забыл, как зовут, да и не важно. Муж был в курсе и безропотно все сносил долгие годы. Наш отдел журналистских расследований установил это совершенно точно... Ты там, поди, уже задохнулся в своей будке, а мне бы еще поработать. Давай выкладывай начистоту, с правом цитирования: кто нанял Вулфа?

– Рано еще, – притормозил я Лона Коэна. – Дождись, пока новость не созреет, а уж потом я все выложу, если черви не заведутся. Мы ведь давно с тобой знакомы. Сам знаешь, мы не мелочимся, оплачивая услуги. Если заскочу в гости, у меня будет шанс поболтать с тем, кто занимался наездом на Мура?

– Только предупреди звонком.

– Конечно. Спасибо и пламенные приветы от всех нас!

Я выскользнул из вестибюля на улицу и прошел еще с квартал – к местечку, на которое успел положить глаз. Там я взял три сэндвича с ветчиной и кварту молока и с ними вернулся в свой рабочий кабинет на тридцать четвертом этаже. Там, никем не потревоженный, я и уплел свой ланч. Когда от сэндвичей остались лишь крошки, я уже успел прийти к паре выводов, первый из которых гласил: хорошо, что я не поддался импульсу выскочить из «Фонтана здоровья» с единственной наградой за все муки в виде яблока.

Глава 10

Имея на руках сразу два дела, я обычно откладываю наиболее приятное на потом. Именно так должно было выйти и теперь, да только фортуна распорядилась иначе. Я планировал позвонить Джасперу Пайну и устроить встречу с ним в три часа, но, взявшись за телефон, услышал от некоего мистера Стэплтона, что до пятнадцати минут пятого мистер Пайн будет недостижим. Это убедило меня поменять очередность.

Но прежде чем заглянуть на огонек к мисс Ливси, я решил раздобыть необходимый инструмент и произвел рекомендованные на такой случай действия, а именно назвал в телефонную трубку добавочный «шесть-три-семь» и вызвал стенографистку. Всего через две минуты, не более, стенографистка с блокнотом вошла в мой кабинет. Внешностью она не могла тягаться с давешней безграмотной красоткой, но и не опровергала с ходу гипотезу, гласившую, что в «Нейлор-Керр» принято нанимать девиц, чьи лица ласкают глаз.

Выяснив ее имя, я сказал:

– Ничего не имею против вас лично, совсем наоборот. Единственная проблема: мне нужны не вы, а ваша пишущая машинка. Нельзя ли принести ее сюда, чтобы я мог ею воспользоваться?

Девичьи черты приняли такое выражение, будто я попросил доставить мистера Керра Нейлора в наручниках и усадить мне на колени. Она проявила чудеса вежливости, но моя просьба не была (и, очевидно, не могла быть) выполнена.

Отпустив стенографистку, я засел за телефон и довольно скоро получил в свое распоряжение пишущую машинку – с бумагой и другими причиндалами. Затем я вышел за дверь, на «арену стадиона», пересек ее из конца в конец, отыскал дверь слева от кабинета Розенбаума и, поскольку та была распахнута, вошел без стука.

Дверь я благоразумно прикрыл, подошел к рабочему столу мисс Ливси и уселся на выставленный рядом стул. Выделенное секретарше помещение было вдвое больше моего, но назвать его просторным мешали ряды папок вдоль стен. Свет, падавший из окна на каштановые пряди, создавал впечатление, будто кто-то возложил на головку мисс Ливси блистающий убор из шелковой сетки. Помедлив, она оставила пишущую машинку в покое и обратила ко мне лицо.

– Все прошло препогано, – доложил я. – Мистер Нейлор питается овсом и измельченной корой.

Улыбку вызвать не удалось, но мисс Ливси кивнула в ответ:

– Да, и этим он знаменит. Кому-то следовало предупредить вас.

– Никто не предупредил, даже вы. Как у вас со временем, в обрез?

– Нет, осталось отпечатать всего восемь или девять писем. – Она взглянула на свои часики. – Еще только три часа.

– Отлично! – Я сунул руки в карманы и качнулся на стуле, старательно изображая рубаху-парня. – Думаю, лучше будет начать с традиционного вопросника. Как долго вы здесь работаете?

– Три года. Точнее... два года и восемь месяцев. Мне двадцать четыре, почти двадцать пять. Я получаю пятьдесят долларов в неделю и могу напечатать сотню слов меньше чем за минуту.

– Просто замечательно. Назовите три вещи в работе, которые вас не устраивают или, скажем так, менее всего привлекают.

– Ой, да ладно вам! – Улыбка не появилась, но линия губ явно дрогнула. – Можно один вопрос?

– Бога ради.

- Почему вы пригласили меня на ланч?
- Ну... Предпочитаете услышать откровенный ответ?
- Обожаю откровенность.

– Я тоже. Взглянув на вас, я был сражен. Зачарован, как во сне. Во мне боролись две противоположные грани моей натуры. Одна, низкая и подлая, требовала увлечь вас на необитаемый остров. Другая, возвышенная, призывала сочинить поэму. Приглашение на ланч стало тем компромиссом, на котором они сошлись.

– Совсем неплохо, – похвалила она, хотя и без особого энтузиазма. – Если это была откровенность, прибегнем к лицемерию. К чему это все? Вы ведь хотели расспросить меня об Уолдо Муре, верно?

– С чего вы взяли?

– Ах, сударь... Да это и так понятно! Заговорили о нем с той девчонкой – и слух мгновенно разлетелся по всей конторе.

– Хорошо, допустим. И какой же вопрос о Муре я собирался вам задать?

– Уж не знаю, но вот она я, спрашивайте смело.

– Вам бы не секретаршей работать, – восхитился я. – Вам следовало стать специалистом по персоналу, или ректором колледжа, или женой частного детектива. Вы совершенно правы, мне сложно спрашивать вас о Муре, ни намеком не выдав, на какой остановке я сел и что написано в билете. Так что не буду и пытаться. Вы с Муром были помолвлены, не так ли?

– Да.

– И долго?

– Нет, всего около месяца, чуть меньше.

– И разумеется, его трагическая кончина явилась для вас страшным ударом?

– Да.

– А не опишете ли в общих словах, что за человек он был?

– Зачем... – замялась она. – До чего странная просьба. Он был как раз таким человеком, за какого мне хотелось выйти замуж.

– Для вас это говорит о многом, – согласился я, – но мы с вами знакомы в общей сложности минут двадцать, и я пребываю в недоумении. Вы понимаете, конечно, что это просто разговор с глазу на глаз между коллегами. Я вам не начальник, не устраиваю допроса, не тяну за язык. Он был женат прежде?

– Нет.

– Давно ли вы знали друг друга?

– Мы познакомились вскоре после того, как он устроился сюда работать.

– Каким он был с виду? Высоким или низкорослым, красивым или уродливым, толстым или...

Мисс Ливси молча выдвинула ящик стола, достала сумочку, вынула оттуда кожаное портмоне, открыла и протянула мне.

Значит, по-прежнему носит с собой его фотографию. Я придирчиво изучил снимок. На мой взгляд, ничего выдающегося: примерно моего возраста и телосложения, высокий лоб, обилие гладко зализанных волос. Пожалуй, Мура можно было отнести к парням, какие на рекламных фото покупают моторные лодки, – вот только подбородок слишком уж торопился убраться в шею.

– Благодарю, – сказал я, возвращая портмоне с карточкой. – Это окончательно разрушает версию, будто Мур видел в вас свою последнюю надежду. Во-первых, на последнюю надежду вы не похожи. Во-вторых, на него самого приятно было посмотреть. Полагаю, такого мнения придерживались все, кто знал Мура?

– Да. Один взгляд – и женщины сразу к нему привязывались. Все девицы в конторе мечтали его заполучить.

Я насупил брови. Совсем не похоже на мою мисс Ливси – этакое вульгарное бахвальство! Впрочем, я и не считал ее совершенством, лишенным изъянов. Тему стоило развить.

– Значит, многие кидались ему на шею? Вы ведь не станете отрицать, что девушкам свойственно гоняться за...

– Конечно свойственно. Еще как гонялись.

– И это сильно его огорчало?

– Нет, он не возражал.

– Но это огорчало вас?

Мисс Ливси наконец-то улыбнулась. Впрочем, едва ли Розенбаум имел в виду именно такую улыбку. Я заулыбался в ответ.

Все так же усмехаясь, она произнесла:

– Вот теперь мы переходим к существу дела, не правда ли?

– Не знаю, – усомнился я. – А что, переходим?

Едва успев договорить, она прихватила зубками нижнюю губу. Подержав ее какое-то время, не особо долго, зубки разжались.

– Так глупо с моей стороны, – объявила она. – Нет, я не считаю, что меня это огорчало. В определенном смысле мне это даже нравилось, хотя во всех прочих – нет. Спрашивайте дальше.

Не сводя с нее глаз, я вытащил руки из карманов и сцепил пальцы на затылке.

– Я бы с удовольствием, мисс Ливси, да не знаю, куда править. Давайте попробуем другую дверь. Имелись ли у вас причины предполагать или подозревать, что гибель Мура была чем угодно, только не несчастным случаем?

– Нет! – отрезала она.

– Но слухи, которые здесь ходили, не обошли стороной и вас, правда?

– Признаться, не обошли.

– Что же послужило толчком для этих пересудов?

– Не представляю, откуда они взялись в декабре, когда все случилось... Думаю, слухи поползли сами собой, как им свойственно. Потом все затихло, и, насколько я могу судить, довольно давно все сплетни прекратились, чтобы на прошлой неделе ожить с новой силой.

– Известно ли вам, что пробудило их вновь?

Она посмотрела на меня, убедилась в прочности контакта наших глаз и переспросила:

– А вам известно?

– Скажу «да», если вы сделаете то же самое.

– По рукам. Да.

– Аналогично. Вы догадываетесь, зачем он употребил то слово в своем рапорте?

– Нет. Не догадываюсь, даже представить себе не могу. Знаю одно: мне бы хотелось... –

Тут она прикусила язык.

– Чего бы вам хотелось?

Она не сказала чего. Вообще не произнесла ни слова. Впервые за три наши встречи на лице мисс Ливси отразились какие-то сильные чувства. Нет, я не назвал бы ее холодной, это слово просто не подходило для нее, и никогда не подойдет, но даже имя Мура и разговоры о нем не вызвали ни на лице, ни в голосе мисс Ливси ничего хоть отдаленно напоминающего эмоции. Теперь же в ее чертах что-то дрогнуло. Никаких банальных реакций вроде трепета губ или хлопанья век, пытающихся сдержать набежавшие слезы, – нет, просто лицевые мускулы вроде как ослабли, подсказывая, что железная дисциплина натолкнулась на что-то, с чем не смогла совладать.

Внезапно и стремительно она поднялась на ноги, подошла ко мне и несколько раз похлопала ладонью по моей голове. Я бы сказал, это больше напоминало проверку арбуза на спе-

лость, чем женскую ласку, хотя, возможно, во мне говорит природная скромность. Дергаться я не стал.

Она отступила на шаг и стояла, взирая на меня сверху вниз. Закинутые за шею руки не помешали мне запрокинуть голову, чтобы встретить ее взгляд.

– Это даже забавно, – протянула мисс Ливси, отчасти озадаченно, отчасти сердито. – Раньше я могла крутить мужчинами как вздумается. Не хочу хвастаться, но и вправду могла. Я знала, как получить от мужчин все, чего мне захочется. Знаете, всякие мелочи. Сами понимаете, как устроены девушки. И вот теперь мне от вас кое-что нужно, и только посмотрите на меня! Не то чтобы вы были каким-то... С вами все в порядке, вы довольно милы и все такое, никаких претензий. Уж не знаю, полицейский вы или кто еще, но, кем бы ни были, вы точно мужчина.

Придя к этому выводу, она умолкла.

– До кончиков ногтей, – дружелюбно поддакнул я. – Смогу дать неплохой совет, как вам добиться своего, если буду знать, чего вы хотите. Для начала скажите мне это.

– Ну, по крайней мере, я хочу сохранить свою работу здесь.

– По рукам. Я отражу это в своем докладе. Что еще?

Голосовые связки мисс Ливси тоже, по-видимому, ослабли.

– Просто смешно, – упавшим тоном заметила она. – Не представляю, кто вы такой и чем занимаетесь, но точно знаю, что вы пытаетесь разобраться в обстоятельствах гибели человека, за которого я собиралась выйти замуж. И от этого мне все труднее сохранять спокойствие. Я хочу забыть обо всем, хочу забыть его. Правда хочу! Вы даже не представляете, что выходит, если собрать сотни девушек в такой вот котел... Вы не знаете, какими они могут быть, когда соберутся посудачить... Это отвратительно, просто ужас какой-то! Зачем мистер Нейлор снова пустил тот слух... не могу сказать. Долго я так не выдержу, все это невыносимо, но мне здесь нравится, а без работы не обойтись... Мне нравится эта работа, нравится мой босс, мистер Розенбаум... – Мисс Ливси отошла и присела за свой стол, выставив вперед два сжатых кулака. Заговорив, она обращалась уже не ко мне, а к мирозданию в целом: – Вот черт!

– Пока я так и не понял, – заметил я, – чего же вы от меня хотите.

– Всё вы прекрасно поняли! – Ее взгляд едва не прожег во мне дыру. – Положите конец этим сплетням. Выставьте мистера Нейлора старым дуралеем. Убедите всех раз и навсегда, что Уолдо случайно попал под чью-то машину, и не о чем тут судачить!

– Понятно. Вот, значит, чего вам хочется.

Ее взгляд вновь упал на меня. Чтобы встретить его, пришлось скосить глаза. Так мы и сидели, разглядывая друг дружку. И мало-помалу у меня возникло ощущение – не могу судить, разделяла она его или нет, – будто мы с мисс Ливси стали ближе, чем при первом знакомстве. Когда девушка треплет мужчину по голове, а затем садится, и позволяет рассматривать себя больше десятка секунд, и тоже смотрит на него, при обоюдном молчании... она уже не способна поддерживать иллюзию, будто он для нее очередной незнакомец, не более.

– Я не полицейский, – наконец признал я. – Но кем бы я ни был, мне не изменить того, как и почему погиб Уолдо Мур. Обстоятельства его смерти определились почти четыре месяца назад, ночью четвертого декабря. Все причины и следствия – где-то там, они существуют до сих пор, и я могу лишь попробовать до них докопаться ради всеобщего успокоения. Приятно знать, что вы сами уже все решили.

– Вы работаете на мистера Нейлора! – Тон и выражение лица мисс Ливси не оставляли сомнений, что за все время нашего столь долгого обмена взглядами она и мысли не допускала, будто я могу пасть так низко.

– Нет, – с нажимом произнес я. – Не работаю.

– Это правда?

– И ничего, кроме правды.

– Но тогда... – Она оборвала себя, хмурясь, но не в мой адрес. – Но он говорил с вами об Уолдо, разве не так?

– Совершенно верно. Поболтать он любит.

– И что он сказал?

– Что Мура убили.

– О, это я знаю. – Лоб мисс Ливси все никак не разглаживался. – В своем рапорте он так и указал. Весь этаж только об убийстве и судачит. А ему того и надо: неспроста же он диктовал рапорты какой-то девушке из конторы, а не своей секретарше. А что еще он говорил?

– Насчет Мура – ничего определенного. Убили, и все тут. Такая уж у мистера Нейлора идея фикс.

– Но ведь он говорил о чем-то еще?

– Господи ты боже! Говорил, что употребление в пищу подвергнутых кулинарной обработке овощей привело нас к войне. Что любой, кто ест мясо...

– Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду! – Она буквально сверлила меня взглядом. – Что он говорил обо мне?

– Ни гугу. Ни единого словечка. Только одно его замечание с известной натяжкой можно посчитать задевающим вас. Сегодня утром, встав у входа в общий зал, он во всеуслышание объявил, что сомневается в возможности отыскать там хоть одну девственницу. Впрочем, лично вас он вряд ли имел в виду: наличие отдельного кабинета выделяет вас из общего числа работниц.

Вопрос поставленной под сомнение девственности, похоже, ничуть не смутил мисс Ливси. Она продолжала упорствовать:

– То есть он даже не упомянул обо мне?

– Пока нет. – Я опустил глаза на запястье, позволил передним ножкам стула соприкоснуться с половицами и встал. – Вас ждут ненапечатанные письма, да и мне пора бы заняться чем-то полезным. Простите, но прямо сейчас никак не получится разрешить все вопросы к вашему удовлетворению, о чем я искренне сожалею. Говорите, вам и впрямь хочется забыть историю с гибелью Мура?

– Да! Хочется!

– Значит, внесем это в повестку дня.

Глава 11

Первым пунктом в упомянутой повестке значился ручной труд с применением пишущей машинки, а потому я вернулся к себе в кабинет и приступил к делу.

Среди прочих заказанных мной офисных мелочей отыскалась пачка мелованной бумаги стандартного для писем размера – ничего особо выдающегося, но при ближайшем рассмотрении я счел бумагу сносной. Было уже без четверти четыре, всего полчаса до нашей встречи с Джаспером Пайном, и сетовать на качество письменных принадлежностей просто не имелось времени. Изготовив клубный сэндвич из трех листов мелованной бумаги и двух листочков копирки, я вставил его в машинку и напечатал заглавными буквами в верхнем правом углу:

ОФИС НИРО ВУЛФА ОТЧЕТ О ПРОДЕЛАННОЙ РАБОТЕ от 19 марта
1947 г.

Пропустив четыре строки, я отпечатал по центру:

КОНФИДЕНЦИАЛЬНО ДЛЯ «НЕЙЛОР-КЕРР» Уильям-стрит, 914,
Нью-Йорк

Уже не оставалось времени отчитываться со всем тщанием, вдаваясь в тонкости и детали, как полагается поступать в общении с большинством клиентов, чтобы поддерживать у них впечатление, будто за свои кровные они получают кучу важных сведений, но мое изложение событий было довольно подробным, и я вроде бы справился с задачей.

В отчете сообщалось, что Керр Нейлор упомянул имя Мура в первые же три минуты нашей беседы; что он пригласил меня на ланч и вогнал в краску, назвав настоящим именем; что он настаивал, будто Мур был убит, но отказался пояснить свою точку зрения; что он не стал наотрез отказываться от встречи с Вулфом; что, по его словам, он объявил гибель Мура убийством в беседе с заместителем комиссара полиции О'Харой, а также в разговоре со мной признал, что Мур получил должность по протекции его, Нейлора, сестры.

Вдобавок к сведениям, касающимся Нейлора, отчет содержал краткий пересказ беседы с шефом контролеров корреспонденции Дикерсоном и упоминание о том, что по отделу распространился слух, будто я расследую обстоятельства смерти Мура.

Нашлось место и короткому пассажиру о состоявшемся, но не давшем заметного результата разговоре между мной и некоей Хестер Ливси, нареченной покойного Мура. Единственным инцидентом, который я счел недостаточно важным, чтобы описать в отчете, стала короткая беседа с безграмотной девушкой. Разговор с Лоном Коэном из «Газетт», напротив, был опущен как чересчур важный, чтобы о нем упомянуть.

Покончив с машинописью, я подмахнул оригинал, сложил его пополам и сунул в карман, а затем то же самое проделал и с одной из копий. Вторую копию я не стал складывать. Вместо этого я подошел к шкафу, отпер его, выдвинул ящик, которым пользовался, вытащил все папки и хорошенько протер носовым платком все поверхности стального ящика – и внутри, и снаружи.

Укладывая на место папки из зеленого глянцевого картона, я каждую протираю со всех сторон. Внутри третьей папки сверху, прямо на уже положенные туда бумаги, я сунул вторую копию только что напечатанного отчета, а на нее бережно выложил четыре табачные крошки, добытые из кончика сигареты. Я расположил их точно в намеченных точках и осторожно прикрыл папку.

Задвинув ящик, я протер всю переднюю поверхность шкафа и встал перед вопросом, которому хотел бы уделить чуть больше времени, если бы не двенадцать минут пятого на

циферблате, – через три минуты меня ждали наверху. Следует оставить шкаф незапертым или запереть, но «забыть» в замке ключ? Выбрав первый вариант, я опустил ключ в карман.

Как ошпаренный я рванул в холл к лифтам и, уже ступив на ковер тридцать шестого этажа, оказался перед новой дилеммой, которую следовало бы разрешить заранее и которую я в спешке упустил из виду. Кто я такой? Кого видит во мне умудренная годами секретарша, стерегущая покой начальственных офисов?

Посещая Пайна днем ранее, я представился как Гудвин. Стоит ли теперь назваться Честноттом и ожидать, что эта дама, глядя в мое интеллигентное лицо, поверит, будто я не знаю собственного имени? Невозможно.

Я промаршировал к ее столу, представился мистером Гудвином и сообщил, что на четверть пятого у меня назначена встреча с мистером Пайном.

Затем мне пришлось усесться и подождать минут десять с лишком. Как правило, я неплохо справляюсь с ожиданием, бываю невозмутим и расслаблен, но сейчас необходимость сидеть без дела вызвала раздражение: я ведь мог бы протереть стенки своего шкафа куда тщательнее. Впрочем, поправить что-либо уже не представлялось возможным, а потому я терпеливо дождался, пока меня не пригласят войти.

Пайн казался уставшим, озабоченным и раздраженным. Он остался сидеть за столом и принялся говорить прежде, чем я успел встать напротив.

– Могу уделить всего несколько минут, – не церемонясь, начал он. – Расписание и без того забито, а тут еще новые дела. Что у вас?

Я протянул ему оригинал отчета и остался стоять.

– Конечно, вы вольны прочесть его позже, но мне подумалось, что, наверное...

Умолк я потому, что Пайн уже приступил к чтению. Он пробежал глазами весь текст – по меньшей мере раза в три быстрее, чем это делает Вулф, – а потом вернулся к началу и перечел пару абзацев. Упер в меня пристальный взгляд:

– Я уже знаю, что мистер Нейлор посетил заместителя комиссара полиции.

– Ну конечно, – смиренно признал я, – только вы об этом не упоминали. Нельзя же, в конце концов, упомянуть обо всем. Я тут как раз вспомнил об одной маленькой проблеме. Видите ли, когда мистер Вулф прочтет свою копию отчета, а я достаточно хорошо изучил своего босса, он первым делом спросит: знали ли вы, что сестра мистера Нейлора просила устроить Мура на работу, а если знали, почему не сказали об этом? – Мне показалось, «сестра мистера Нейлора» прозвучит дипломатичнее, чем «ваша супруга». Я продолжил: – Конечно, если вы не...

– Разумеется, я знал, – отчеканил он. – Какое отношение это имеет к делу?

– Никакого, насколько я могу судить. – Мое смирение не знало границ. – Но мне нужен совет. Говорю вам, я хорошо знаю мистера Вулфа. Он тут же попросит меня позвонить сестре мистера Нейлора и пригласить ее на беседу, а когда и если она не захочет воспользоваться его гостеприимством, отправит к ней меня. И мне придется подчиниться. Как бы вы поступили на моем месте?

– Вы ведь работаете на мистера Вулфа, так?

– Так.

– Тогда делайте, что он велит.

– Хорошо, спасибо. Никаких предложений или инструкций?

– Нет. – Опять тот же нетерпеливый жест. – Если даже вы вообразили, будто я хочу оградить жену от подобных неудобств, вся тщета таких усилий станет вам сразу понятна, как только встретитесь с ней. Меня интересует другое: как мистеру Нейлору удалось узнать ваше настоящее имя? Можете ответить?

– Если бы мог, – заметил я, – об этом упоминалось бы в отчете. Мне и самому интересно. Вообще говоря, есть всего два варианта. В последние годы моя фотография изредка мелькала в

газетах. Возможно, мистер Нейлор – или кто-то еще – запомнил мое лицо достаточно хорошо, чтобы узнать при встрече. Но такой шанс невелик, примерно один на миллион. Второй вариант кажется более правдоподобным. Сколько человек в здании знают о моем присутствии? Секретарша за этой дверью. А кто еще? Как мне помнится, вы вроде бы обсуждали наш план с двумя начальниками отделов и одним членом совета директоров.

Судя по выражению лица Пайна, он еще держался на плаву. Второй вариант ему также больше приглянулся, и он уже перебирал имена. Легендарные «нюансы» выскочили снова, не доставив ему ни малейшего удовольствия.

– Точно не секретарша, – проворчал Пайн. – Я лично беседовал с ней об этом. Мисс Абрамс работает у нас уже двадцать лет, и я не вижу причин сомневаться в ее лояльности.

Похоже, мысль о том, что он еще может положиться на кого-то в своем окружении, немного приободрила Пайна.

– В таком случае... – многозначительно пропел я.

Пайн кивнул, утверждаясь в своих выводах.

– Полагаю, что так, – пробормотал он под нос. Мой отчет он аккуратно выложил на стол и завис над ним, медленно оглаживая подбородок сложенными вместе ладонями. – Полагаю, что так, – повторил он уныло, но без отчаяния в голосе. Помедлив, поднял на меня глаза. – Нужно будет помозговать. Не стоит беспокоиться. Что там с девушкой, на которой Мур собирался жениться... как ее зовут? – Он снова уткнулся в отчет, провел пальцем по последней странице. – Хестер Ливси. Смогла ли она поделиться какими-то... мм... сведениями?

– Не о чем говорить. Я собираюсь опросить ее снова... в том случае, если мне предстоит продолжить расследование. По-вашему, завтра мне стоит вернуться?

– Конечно стоит. Почему бы нет?

– Мне тут подумалось, раз уж Нейлор меня раскусил, к завтрашнему полудню наверняка и все остальные тоже...

– Это не важно. Приходите в любом случае. Сейчас меня поджимает время, но в десять утра я буду ждать вашего звонка. Раз уж мы начали все это, доведем дело до конца.

Пайн потянулся к сложно устроенному телефонному аппарату (таких я еще не видел) и объявил, что готов принять мистера Как-Его-Там; фамилию я не расслышал.

Пришлось откланяться.

Работа в «Нейлор-Керр» прекращалась ровно в пять. В 4:56 я миновал коридор с офисами и сказал лифтеру:

– Тридцать четвертый, пожалуйста.

Не потому, что совесть не позволяла обокрасть корпорацию на четыре минуты рабочего времени, а потому лишь, что оставил в кабинете шляпу и плащ.

Непохоже, чтобы за мое короткое отсутствие сюда наведался непрошенный гость. Притворив дверь, я выдвинул ящик шкафа, чтобы убедиться: все табачные крошки на месте. Постоял немного у окна, перебрал в памяти недавние события и еще раз прокрутил наш с Пайном разговор, после чего взвесил привлекательность идеи позвонить Вулфу и предложить новый план действий, который включал бы неожиданный визит к миссис Пайн прежде, чем ее муж вернется домой с работы. Возможно, так бы я и поступил, если бы не вышеупомянутый холодок между нами. В силу обстоятельств от идеи пришлось отказаться.

Выйдя за дверь кабинета, я застыл, обзревая окрестности. Вот это да! Казалось, зал был совершенно пуст вопреки присутствию сотен столов, стульев и прочих предметов обстановки. Девушки испарились, и перемена выглядела сногшибательно. Я стоял и глазел по сторонам, внося одну-две быстрые поправки в свою жизненную философию.

Решил, что, пока не выберешь из общего числа одну-единственную и та не обратит на тебя внимания, не столь важно, сколько девушек ты видишь: сотню или даже тысячу, все они

воплощают собой одну абстрактную девушку. Соответственно будет ошибкой взглянуть на пустующее помещение и объявить: девушки ушли. Правильнее было бы сказать: девушка ушла.

Лелея сильное подозрение, что нарвался на мысль достаточно глубокую, чтобы посвятить ей три журнальные статьи или даже книгу, я добрался до лифтов и, спустившись вниз, вышел на улицу. В этой части города и в это время суток о такси не стоило даже мечтать, а потому на перекрестке я свернул на Уолл-стрит и направился к Вестсайдской станции подземки.

Поскольку я тружусь в области частного сыска уже более десяти лет и за это время успел отмерить на своих двоих немало миль, мне, естественно, частенько случалось и вести слежку, и уходить от преследования. Когда, работая над очередным делом, я покидаю какое-то здание, то непременно стараюсь приглядывать за тылами, практически на автомате. Так городские жители привычно озирают улицу, готовясь сойти с тротуара.

Редко случается, чтобы за мной увязался хвост, которого я бы не заметил, но на сей раз так и вышло. Должно быть, она пряталась в засаде где-то в вестибюле, поглядывая на лифты, а потом двинулась за мной по городу. Я не хожу прогулочным шагом, и ей, скорее всего, пришлось быстро-быстро семенить, чтобы не отстать от меня.

Так или иначе, о преследовании я догадался, когда в толпе спешащих по домам служащих почувствовал тесный контакт с кем-то – не случайный толчок локтем, а умышленную, твердую хватку на своем предплечье.

Притормозив, я опустил взгляд. Ниже меня на все девять дюймов, и это она вцепилась мне в руку.

– Хулиганка! – произнес я. – Ты делаешь мне больно.

Смотреть на нее было сплошным удовольствием.

Глава 12

– Мистер Честнотт, вы меня не знаете, – сказала она. – Сегодня вы меня даже не заметили.

– Теперь заметил, – успокоил я ее. – Отпусти мою руку. Люди подумают, что я отец твоих детей или обманул тебя при разводе.

Возможно, я совершил ошибку. Эти слова задали тон нашим отношениям – или, во всяком случае, знакомству, – а выгодная точка обзора переложила на меня всю ответственность. Черные глазищи кричали, что никогда ничего не скрывали и не намерены скрывать впредь. Губы подтверждали правоту глаз и одобряли эту откровенность. Я не говорю уже о фигуре, нашептывавшей, будто с ее помощью никак нельзя обосновать ту непреложную истину, что прямая линия есть кратчайший путь между двумя точками. Эта девушка определенно относилась к тем чудесным созданиям, которым дают прозвища. В Испании или Италии ей дали бы какое-нибудь возвышенное имя – скажем, Розовый Лепесток. Однако там, где живу я, принято обходиться не столь вычурными прозвищами. Допустим, Фигурка, хотя основная идея та же. Вокруг подобных девушек нередко витают неприятности (и наоборот). Мне стоило бы держать это в уме, задавая тон отношениям.

Спешащие мимо прохожие, которые откровенно разглядывали нас, ничуть ее не волновали. Похоже, волновал ее только один прохожий – тот самый, кому она явно не собиралась давать проходу.

– Я хочу поговорить с вами, – заявила она.

На щеках у нее появились ямочки, такие крошечные, что заметить их можно было лишь под определенным углом.

– Только не здесь, – сказал я. – Пошли.

Мы двинулись дальше, нога в ногу.

– Тебе раньше приходилось спускаться в подземку?

– Всего дважды в день. А куда мы направляемся?

– Откуда мне знать? Я понятия не имел, что мы куда-то идем, пока ты не спросила. Может, на дамскую вечеринку в одном из моих клубов. – Тут я резко остановился. – Погоди здесь минутку. Мне срочно нужно позвонить.

Я зашел в табачную лавку, подождал минуту или две, пока не освободится телефонная будка, втиснулся туда и набрал номер, который помнил наизусть, хоть ночью разбудите. Конечно, я знал, что сам Вулф трубку не снимет, поскольку время с четырех до шести зарезервировано у него для визитов к орхидеям в оранжерее наверху. Так и вышло.

– Фриц? Это Арчи. Скажи мистеру Вулфу, я не приду обедать, потому что задерживаюсь на работе.

– «Задерживаюсь»... Где?

– На работе. Просто передай ему все слово в слово, он поймет.

Засим я выбежал на тротуар и спросил у Фигурки:

– Надолго ли затянется наш разговор, как по-твоему?

– Я буду говорить, мистер Честнотт, пока вы не устанете слушать. Мне многое нужно вам сказать.

– Хорошо. Пообедаем? Общий счет я беру на себя.

– Звучит заманчиво, но ведь еще рано для обеда.

Взмахом руки я отмел возражения, и мы устремились в зев подземки.

Я повел ее в «Рустерман». Для начала, там подают лучшую жратву во всем Нью-Йорке, не считая столовой самого Вулфа. Далее, на втором этаже ресторана, вдоль левой стены, тянется ряд кабинок, настолько умно устроенных, что они похожи, скорее, на отдельные кабинеты. И наконец, хозяин и управляющий «Рустермана» Марко Вукчич – старый приятель Вулфа, и там

я смогу выписать чек, вместо того чтобы тратить наличные, которые Вулф вполне способен не возместить на том основании, что девушку нужно было вести к нам домой и усаживать за его, Вулфа, собственный стол.

К тому моменту, как мы уселись в кабинке, я успел собрать крупницы первичных сведений, как то: Фигурку звали Роза Бендини, работала она помощницей главного делопроизводителя в секции механизмов и комплектующих. Кроме того, я уже пришел к определенным выводам: ей двадцать четыре года, она не теряется в любом антураже и при любых обстоятельствах и прекрасно вписывается в суждение Керра Нейлора касаясь девственности.

Она сразу объявила, что всем коктейлям предпочитает вино, тут же заработав одобрительный взгляд Вукчича, который заметил меня еще в дверях и самолично проводил нас вверх, воздавая должное не столько мне лично, сколько своему старому другу Вулфу. Затем Роза уравнила счет, решительно отказавшись от мусса «Покахонтас» из икры шэда и предпочтя ему обычный стейк. Я последовал ее примеру, чтобы поддержать установившуюся между нами приязнь. Когда нас оставили наедине, она не стала терять времени зря:

– Вы полицейский, мистер Честнотт?

Я изобразил широкую, дружескую улыбку:

– Послушай, девочка. Меня легко можно подцепить на улице, как ты уже поняла, но не так-то просто расколоть. Ты говорила, что хочешь многое мне рассказать. Сначала я послушаю, а уж потом решу, стоит ли что-то рассказывать тебе. Почему ты вообразила, будто я коп?

– Потому что вы спрашивали про Уолдо Мура, а про него только одно и можно теперь сказать: его убили, и копы интересуются такими вещами, разве нет?

– Несомненно. Кроме них, подобные вопросы задают люди, имеющие свой интерес. Предположим, я заинтересован. В тебе смерть Мура тоже пробудила любопытство?

– Еще бы!

– И что в ней любопытного?

– Мне просто интересно, чем все закончится. Не хочу, чтобы убийство сошло кому-то с рук! – В ее глазах мелькнул яркий огонек, вспыхнул и погас. Она добавила: – Он был моим другом.

– Значит, его все-таки убили?

– Конечно убили!

– И кто же?

– Не знаю. – Внезапным точным движением, хотя и без лишней пылкости, она накрыла мою лежавшую на скатерти руку своими. Ее пальцы и ладони были теплыми и твердыми, не слишком влажными, но и не сухими. – Или все-таки знаю. Что мне делать, если знаю?

– Учитывая твою личность, как я ее себе представляю? Советую быть хорошей девочкой и все рассказать папе.

Своих ладоней она не убрала.

– Жаль, – произнесла она, – что вы не отвели меня куда-то, где мы могли бы побыть наедине. Я не знаю, как разговаривать с мужчиной, пока он не обнял меня и не поцеловал. Так я смогу разобраться, что он за человек, а хорошему человеку расскажу все, что знаю.

Я прикинул расклад. Если я уже позволил себе уединиться в отдельном кабинете «Рустермана» с закоренелой нимфоманкой и с этим ничего не поделаешь, то мог бы, во всяком случае, сохранить достоинство, отделавшись одной только тратой двадцати долларов Вулфа. Но вряд ли дело обстояло именно так. Анализ ситуации подсказывал, что эта куколка просто практикует своеобразный подход к установлению контактов, а спорить с ней я был не готов.

Поэтому я выскользнул из-за стола, выпрямился, задернул шторой вход в кабинку, устроился на диванчике рядом с девушкой и заключил ее в крепкие объятия. Подобно ладоням, ее губы оказались теплыми и твердыми, не слишком влажными, но и не сухими. Роза Бендини не просто разработала уникальную теорию установления контакта, она была готова апробировать

ее в деле, а ведь далеко не каждый теоретик захочет подвергать подобному испытанию свои умопостроения.

Когда испытание завершилось, я отпрянул, вернул штору на место и уселся. Как раз в этот момент вошел официант, который принес нам запеченный грейпфрут. Когда он ушел, покончив с сервировкой стола, Роза Бендини заговорила вновь:

– Чем вы занимались в кабинете Хестер Ливси? Тем же, чем сейчас со мной?

– Ну вот опять! – возмутился я. – Ты уверяла, будто многое можешь рассказать, а вместо этого задаешь вопросы. Почему ты считаешь, что Мур был убит?

Она проглотила кусочек грейпфрута:

– А как я узнала, что могу попросить вас обнять меня и поцеловать?

– Это очевидно всякому, кто на меня посмотрит. Благодарю за доверие. Но при виде сплюсненной головы Мура заподозрить умышленное убийство не мог никто. Даже копы и эксперты-медики ничего не заподозрили.

Ее ложечка замерла в воздухе, не донесенная до рта.

– Разве можно говорить такие чудовищные вещи!

– Можно. Уверять, что парня убили, тоже чудовищно, особенно если он был твоим другом. Кстати, насколько близким другом?

Она занялась грейпфрутом не с целью выгадать время и обдумать ответ, а просто потому, что была голодна. Так мне показалось. Расправившись еще с тремя дольками, она заговорила снова:

– Я звала его Уолли, потому что мне не нравилось имя Уолдо: слишком оно заумное. И вообще я часто придумываю людям новые имена, люблю это делать. Моего мужа зовут Харолдом, но я называю его Харри. Мы с Уолли были очень близкими друзьями. И оставались друзьями, когда он... когда его убили. Разве я не обещала рассказать все, что знаю?

Ложечка опустилась к грейпфруту.

– Твоего мужа? – Удивление я постарался скрыть. – Мистера Бендини?

– Нет, у него другая фамилия. Его зовут Харолд Энтони. Я вышла замуж почти три года назад и уже тогда работала в «Нейлор-Керр». Просто не стала морочить себе голову сменой фамилии. И рада, что не стала, потому что рано или поздно Харри даст согласие на развод. Когда Харри вернулся из армии, он, похоже, ожидал найти меня в том же шкафу, где оставил, вместе со всем нафталином. Уолли был гораздо умнее, он не совершил бы той же ошибки. Как и вы сами.

– Ни за что на свете! – поклялся я. – А что, твой муж тоже работает в «Нейлор-Керр»?

– Нет, он брокер... То есть он работает в брокерской конторе на Нассо-стрит. Он хорошо образован, учился в колледже, мне никак не запомнить, в каком именно. Мы месяцами не живем вместе, но Харри по-прежнему не может смириться с мыслью, что потерял меня, а мне никак не удается доказать, что мы не сошлись характерами, сколько бы я ни твердила, будто между нами не было настоящей любви – одно только влечение. – Она положила ложку на стол. – Позвольте, мистер Честнотт, я признаюсь вам кое в чем. Я по-настоящему любила Уолли Мура. Знаю это точно, потому что в жизни никого не ревновала – одного только Уолли. Ревность меня прямо обурежала, я глядела на всех его девиц и придумывала каждой из них жуткую смерть. Вы небось и не подумали бы, что я на такое способна. Я бы наверняка не подумала.

Мой ответ был вынужденно уклончив: официант как раз подал стейки. Сервируя их сладким картофелем и эндивием, он наполнил бокалы и поставил сковороду с остатками на угольную жаровенку здесь же, на столе. Когда официант удалился, я поднял было нож и вилку, но Роза мне помешала.

– Выглядит чудесно. Похоже, этот занавес застрял и вам нипочем не задернуть его снова.

Я отошел и задернул штору. На этот раз она тоже встала с дивана, и мы установили контакт посредством объятий в положении стоя. Все то время, что длился процесс, до нас доно-

сился дразнящий аромат стейков с дивной нотой разлитого по бокалам бургундского, и эта комбинация сделала ощущение особенно приятным.

– Нельзя позволить им остыть, – заметил я в итоге.

Проявив здравый смысл, она ответила согласием, и я снова отдернул штору, чтобы впустить немного свежего воздуха.

Это сломало еще державшиеся барьеры. Когда с обедом было покончено, я мог бы заполнить переданными ею сведениями шесть машинописных страниц, отпечатанных с минимальным интервалом. Большую часть Роза изложила по-английски; в тех же двух или трех эпизодах, где она обошлась намеками, я предлагаю собственный перевод.

Начиная с первого же рабочего дня Уолдо Уилмот Мур резвился в отделе фондов, будто дельфин в океанских волнах. Применить осторожный подсчет к набранным этим парнем очкам не представляется возможным, поскольку сам он никакой осторожности не проявлял. У меня осталось впечатление, что количество одержанных Муром побед исчислялось десятками, хотя Роза наверняка преувеличила общий итог, отдавая дань его памяти. Лишь четыре имени из всех упомянутых стоило выделить особо, причем два из них были мужские.

ГВИНН ФЕРРИС, по уверениям Розы, была настоящей стервой. Прирожденная мастерица обольщать и обещать, она попыталась применить этот навык к Муру, была сбита с толку и неожиданно для себя самой распрощалась с карьерой обольстительницы и раздатчицы обещаний, временно во всяком случае. Несмотря на то что они с Розой были почти сверстницами (двадцать с чем-то), Гвинн до сих пор, вот уже почти два года, прозябала в должности стенографистки на подхвате.

БЕНДЖАМИН ФРЕНКЕЛЬ, серьезная и страстная натура в чине заместителя начальника секции, занимал, по общему мнению, почетное третье место в борьбе за звание лучшего диктовальщика писем во всем отделе. Гвинн Феррис обольщала его и обещала, пока совсем не вскружила бедняге голову. Следовательно, Уолдо Мура он ненавидел со всеми присущими ему серьезностью и страстью или даже еще сильнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.